

Литературный факт.
2025. № 5 (35)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-8-50>
<https://elibrary.ru/QVOJOS>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

От коллежского секретаря до советского эмигранта: судьба писателя Аркадия Пресса и его роман «Граница»

© 2025, Н.А. Яковлева
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья посвящена описанию жизненного пути и характеристике творческой деятельности забытого литератора Аркадия Германовича Пресса (1870–1952), активно выступавшего в петербургско-петроградской печати с рассказами, повестями, переводами, научно-популярными очерками, рецензиями. Он был сотрудником журналов «Нива», «Живописное обозрение», «Задушевное слово» и др., составлял учебные пособия по литературе, праву, серию небольших сборников «Общедоступная философия в изложении Аркадия Пресса» в издательстве Сойкина (Гоббс, Декарт, Гегель, Канд и др). Дореволюционную служебную карьеру Пресс закончил в юридическом департаменте Сената в чине надворного советника, после 1917 г. Пресс недолгое время служил по ведомству Наркомпроса, в том числе руководил Публичной библиотекой. В 1923 г. он с семьей эмигрировал в Литву (и его фамилия приобрела огласовку Пресас), а в 1925 г. переехал в Финляндию, где и прожил остаток жизни. Свои пореволюционные мытарства в Петрограде Пресс описал в «романе» «Граница» (1931–1942), носящем условно-автобиографический характер, как и ряд предшествующих его сочинений. Фрагменты из этого неизданного сочинения писателя публикуются в приложении к статье.

Ключевые слова: Аркадий Пресс, биография писателя, архивные материалы, революция 1917 года, эмигрантская литература.

Сведения об авторе: Наталья Александровна Яковлева — PhD, г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-1699-8102>

E-mail: niakovleva@hotmail.com

Для цитирования: Яковлева Н.А. От коллежского секретаря до советского эмигранта: судьба писателя Аркадия Пресса и его роман «Граница» // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 8–50. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-8-50>

Литературная деятельность Аркадия Пресса начиналась в последнее десятилетие XIX века.

Писатель родился в Петербурге в 1870, происходил из еврейской семьи, при рождении наречен Ароном Гиршем¹. Его дед и отец, Шлиом (Соломон) и Герман Прессы, были старожилками города Ковно², там же до революции родители владели домом и гостиницей³. Отсюда позднее был «образован» и второй, «литовский», вариант фамилии — Пресас — который закрепился за членами семьи Аркадия Германовича Пресса после 1923 года, когда из Петрограда они уехали в Ковно, а затем в Финляндию, где осели до конца жизни.

Мать писателя, Анна Васильевна Пресс (урожденная Канель), окончила в Гродно польскую гимназию, где училась вместе с Изабеллой Гриневской (девичья фамилия Фридберг), с тех пор ставшей ее подругой⁴. Рано умершая родная сестра матери, Надежда Васильевна (1854–1886), была замужем за известным еврейским историком, ученым и писателем Осеем Штейнбергом (1830–1908)⁵, с которым жила в Вильно. Аркадий Пресс, испытавший в молодости влияние этого известного ученого, будучи уже эмигрантом, не терял из виду и своих кузенов, Макса Штейнберга (1883–1946), советского композитора и музыканта, профессора Ленинградской консерватории, ученика и зятя Н.А. Римского-Корсакова, и жившую во Франции Надежду Щупак (1886–1941), ученого-санскритолога.

В своей профессиональной карьере Аркадий Пресс пошел по стопам отца, закончив императорский Санкт-Петербургский университет по юридическому факультету (1888–1892). В его студенческом деле сохранилось письмо от 12 июля 1888 г. на имя ректора М.И. Владиславлева от сенатора уголовно-кассационного департамента, тайного советника и сослуживца отца — Н.С. Арсеньева (1831–1903) — с просьбой обратить внимание на юношу, относительно которого он был «любезно обнадежен» при личной встрече с ректором: «...зная вышеназванного юношу еще с его детства, как

¹ См. копию свидетельства о рождении, сохранившуюся в его личном деле служащего Сената: РГИА. Ф. 1352. Оп. 154. Ед. хр. 292. Л. 8.

² См. письмо А.Г. Пресса к матери от 20 июня 1922 г. (Коллекция рукописей Национальной библиотеки Финляндии. КК. Sl. Ms. 87.28). Далее ссылки на этот архив даются сокращенно (КК), а номера листов приводятся по авторской нумерации, если она имеется.

³ Подтверждающие этот факт документы сохранились в архиве писателя (КК. Sl. Ms. 87.4).

⁴ Подробнее см.: *Пресс А.* Писатели [Воспоминания]. Изабелла Гриневская (КК. Sl. Ms. 87.7).

⁵ В частности, свидетельства об этих семейных связях присутствуют в очерке, посвященном Штейнбергу. См.: *Пресс А.* Писатели [Воспоминания]. Осий Штейнберг (КК. Sl. Ms. 87.7).

родного сына известного мне со всей безукоризненной стороны присяжного поверенного округа С.П.Б. судебной палаты Германа Соломоновича Пресс <так!>⁶, считаю за особое удовольствие удостоверить, что юноша Аркадий Пресс отличался всегда благонравием <...> возрос, как мне известно, в самом полезном и преданном направлении Престолу и Отечеству, невзирая на то что по вероисповеданию своему он не просветился еще законоучением Христовым, пребывая в законе Моисеевом»⁷.

После окончания университета А.Г. Пресс состоял на службе в межевом, а затем судебном департаменте, поднявшись по служебной лестнице от коллежского секретаря до надворного советника и получив, как полагалось по протоколу, орден Св. Станислава 3 степени и серебряную медаль в память Царствования Императора Александра III на Александровской ленте⁸. Занимал должности (младшего и старшего) землемера, секретаря Сената по продажам, но несмотря на успешное ведение дел, службой тяготился и, во всяком случае, по интересам выбивался из круга столичного чиновничества конца века. Эта среда запечатлена в его рассказах и предстает перед читателем в модернизированном, по сравнению с ее «классическими» прототипами, виде. Теперь — это громко смеющиеся «молодые люди в блестящих вицмундирах, в ослепительно свежем белье, в модных галстучках и золотых перстнях», с «изящными портфелями», курящие дорогие сигары (рассказ «Своим трудом») [9, с. 21]. В дальнейшем автор предполагал объединить рассказы на эту тему в сборник под названием «Чиновники» (по аналогии с собранием очерков К. Станюковича «Моряки»). Несмотря на попытки изобразить современных клерков, с одной стороны, и реабилитировать «маленького человека» — с другой, суть конфликта осталась прежней. Герой Пресса, человек, отравленный департаментом, хотя от природы «жизнерадостный и веселый», обладал «многими приятными дарованиями, недурно рисовал, играл на рояле, писал даже водевили для театра. Он любил всевозможный спорт и предавался ему от души, с увлечением молодости. Его видели на гребных гонках, велосипедных состязаниях и т. п. Но однообразная канцелярская

⁶ Ему, в частности, принадлежало авторство брошюры, которую впоследствии переиздал ставший юристом сын: *Пресс Г.С.* Присяжный поверенный. Страхование. Правовые основы, законы и практика Сената по огневому и морскому страхованию. 2-ое изд. исправил и дополнил Аркадий Пресс, присяжный поверенный, бывш. помощник Обер-Секретаря Судебного департамента Правительствующего Сената. СПб.: Изд. юридического книжного склада «Право», 1914.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 2. Ед. хр. 2887. Л. 16.

⁸ См. его послужной список в личном деле служащего Сената (РГИА. Ф. 1352. Оп. 154. Ед. хр. 292. Л. 20–29).

работа мало-помалу высосала, так сказать, из него все соки. Способности его глохли, пропадал интерес к жизни. Здоровье его тоже сильно пошатнулось. Явилась тоска» [9, с. 22–23]. В таких сюжетах просвечивали мотивы личного разочарования в уготованной автору участи судейского чиновника, что выдают и некоторые фрагменты его позднейших воспоминаний: «Секретари были завалены работой. Особенно донимали нас глупые ”продажи”, т. е. разрешение ”продаж” имуществ ”подопечных”. Ответственность громадная, а умственной работы юриста почти никакой. В Сенате говорили: ”Нам бы надо особое жалованье за Тоску”»⁹.

Между тем этих мучеников департамента ждала совсем другая, гораздо более суровая, судьба: последнее поколение имперских чиновников вскоре будет сметено революцией и исчезнет не только с литературной, но и с исторической сцены. В этот вихрь попадет и сам Аркадий Пресс, значительная часть биографии которого пришла на дореволюционный период.

К октябрю 1917 года Аркадий Пресс уже был главой многолетней семьи. Со своей женой, Марией Владимировной Ильинской (1871<?>–1940), он познакомился, еще будучи студентом университета, на даче в Териоках. В 1893 г., после рождения первенца Аркадия (1892), принял православие, в 1895-м, с появлением второго ребенка, Германа (1894), обвенчался с женой. Вслед за тем на свет появились три дочери: Анна (1896), Надежда (1898) и Дина (1899)¹⁰ и два сына Владимир (1907) и Георгий (1909). Семья не имела большого достатка: Пресс несколько раз в годы своей министерской службы обращался за пособиями на воспитание и образование детей¹¹. Подрабатывал он и адвокатской практикой, защищая уголовных преступников, но, по воспоминаниям одного из сыновей, это принесло ему большие неприятности с полицией, и однажды их дом подвергся ограблению¹². В 1912 г. Аркадий Пресс ходатайствует об отставке и пенсии по состоянию здоровья (в том же личном деле «служащего Сената» сохранился длинный список медицинских диагнозов, спровоцированных «желтухой»)¹³. Таким образом, достигнув относительно стабильного положения, в сорок два года он завершил свою карьеру судейского чиновника, намереваясь полностью посвятить

⁹ *Пресс А.* Книга любви [Воспоминания] (КК. Sl. Ms. 87.9. Л. 75).

¹⁰ Умерла в Обуховской больнице в Петрограде 1 января 1920 года.

¹¹ Прошения сохранились в личном деле служащего Сената (РГИА. Ф. 1352. Оп. 154. Ед. хр. 292. Л. 31–35).

¹² КК. Sl. Ms. 87.8.

¹³ РГИА. Ф. 1352. Оп. 154. Ед. хр. 292. Л. 50–53.

себя литературной деятельностью. В прозе А. Пресса нашлось место герою, пропустившему свою жизнь в ожидании повышения, но так и не получившему долгожданной пенсии из-за бюрократического недоразумения (рассказ «Пенсия») [9, с. 1–11]. Между тем, несмотря на благополучный исход этого дела для самого автора, спокойной жизни, обеспеченной почти 20-летней службой в департаменте, оставалось всего пять лет.

В своих позднейших, уже эмигрантских, воспоминаниях, обращенных к умершей жене, он предстает добропорядочным семьянином и романтиком, несмотря на тяжелые испытания, которые ему пришлось пережить. В них сохранились и старые адреса его прежней петербургской жизни: «Мы оба настоящие дети столицы. Я родился у Харламова моста, в доме Сутугина¹⁴, твое детство прошло в маленьком домике с садом в Семеновском полку. В юности я жил в нашем большом каменном доме на Воскресенском N 13 с лепным и росписным красками и золотом потолком¹⁵. Ты жила на Павловской в деревянном домике с фруктовым садом твоей тети на Петербургской стороне N 9¹⁶. Этот дом стал твоим и в нем мы прожили многие годы до 1919 г. — Он описан в моем рассказе “Незнакомец” (Историческая летопись. 1916)»¹⁷.

Главный герой «Незнакомца» — не кто иной, как Пушкин, который инкогнито снимает в майские белые ночи комнату в доме на пустынной улице по Петербургской стороне. Это и есть дом, где живут Прессы вплоть до эмиграции из советской России. Из этого дома Аркадий Пресс ездил на службу в Сенат, в нем писал свои сочинения (с той же целью там уединяется и Пушкин), в этом доме его семью застал большевистский переворот, голод и эпидемии первых революционных лет, и, судя по пространным описаниям, он также может претендовать на роль главного героя текста:

По обеим сторонам улицы тянулись одноэтажные деревянные дома, и над покосившимися заборами свешивалась свежая зелень фруктовых садов. <...>

¹⁴ Вероятно, речь идет о сохранившемся доме купцов Сутугиных, расположенном на углу набережной Канала Грибоедова (д. 106) и пр. Римского-Корсакова (д. 12).

¹⁵ Возможно, имеется в виду сохранившийся д. 13 по проспекту Чернышевского (быв. Воскресенский пр.).

¹⁶ Ныне ул. Мончегорская в Петроградском р-не.

¹⁷ *Пресс А.* Книга любви. Л. 19. Упомянутый рассказ был напечатан в журнале с продолжением в двух номерах за 1915 год: *Пресс А.* Незнакомец // Историческая летопись. 1915. Ноябрь. № 11. С. 1320–1327; Историческая летопись. 1915. Декабрь. № 12. С. 1465–1469.

— Где тут дверь? — воскликнул он (незнакомец. — *Н.Я.*), оглядывая домик.

— Барин, а ты ткни в калитку! — сказал кучер ленивым голосом, показывая кнутом на ворота. <...>

Кучер вытащил из «берлины» небольшой чемодан и, кряхтя и охая, понес во двор. Обошли покосившиеся службы, колодезь с «журавлем», огород, сад и, наконец, очутились пред низкой дверью, посреди которой было вделано крошечное круглое окно. <...> Дверь отворилась, и тот вошел в тесные сени. Но «боливар» пришлось снять и внести боком, так как он не входил в дверь. <...>

Аглая Петровна шла по коридору со стеклянной стеной, вроде веранды, по узкой комнате с обеденным столом, покрытым клеенкой и серой бумагой, затем по комнате, сплошь увешанной образами с горящими лампадами, наконец, остановилась около дверей и стала шарить в кармане ключ. Ключ был найден и замок при повороте ключа издал два громких музыкальных звука, словно дернули сильно две струны на балалайке.

— Господи! Что за крепость! — подумал приезжий. <...>

Дверь отворилась, и все очутились в просторной комнате в два окна с низким потолком и затхлым воздухом. Стояла красная мебель «русского ампира» и большая кровать с горою подушек. <...>

Хозяйка ушла. Новый жилец оглянул внимательно умными, быстрыми глазами всю комнату и сразу освоился. Он почувствовал себя, словно дома. Принесли воду. Скинув «редингот» и умывшись, он одел полосатый красный халат и разложил на столе несколько книг и бумагу¹⁸.

К художественному творчеству Аркадий Пресс обращается параллельно сочинению популярных очерков по философии¹⁹ и специальных статей по судебному делу²⁰. Но писать стихи он начинал еще в гимназии. Его «положительный» характер, как и домашнее образование, включавшее игру на рояле, знание языков и занятия словесностью, во многом определяют его литературные предпочтения, оставив в пору собственных писательских дебютов равнодушным

¹⁸ *Пресс А. Незнакомец // Историческая летопись. 1915. Ноябрь. № 11. С. 1320–1323.*

¹⁹ Брошюры автора выходили в серии «Общедоступная философия» (были напечатаны его переводы со вступительными статьями о Платоне, Аристотеле, Маккиавелли, Монтескье и др.)

²⁰ В частности, Пресс был постоянным автором «Судебного обозрения». См., например, его статьи: «Опекунские дела: I Продажи. II Сумасшедшие (1904. № 23, 24); «Дела об авариях» (1904. № 36); «Административный суд» (1905. № 18, 19); «Вексельное судопроизводство» (1905. № 27) и др.

к «новому искусству». Сохранившиеся в его архиве заметки и мемуарные очерки позволяют очертить круг его тогдашних интересов: он читает французскую классику, поглощен творчеством Бальзака, восхищается Лермонтовым, Гейне, Надсоном, цитирует Апухтина, интересуется рассказами Анатолия Каменского, переживает увлечение «сионской поэзией» С.Г. Фруга, однажды с восторгом показывая собеседнице зажегшийся свет в окне квартиры своего кумира.

В университете, благодаря знакомству со студентами филологического факультета, А. Пресс посещал лекции П.И. Вейнберга по литературе, которые произвели на него сильное впечатление. Вейнбергу он вскоре показал и свои неопубликованные стихи, получив от него одобрение²¹. По свидетельству автора, большая часть этого раннего поэтического архива вместе с другими дореволюционными материалами погибла во время эвакуации из Териок в 1939 г.

Литературный дебют Аркадия Пресса состоялся в 1893 г. на страницах журнала «Нива», где он выступил в жанре «миниатюр»²². И вскоре его имя появится в других массовых изданиях: «Живописном обозрении», «Задушевном слове», «Всеобщем двухнедельнике», «Природе и людях», «Биржевых ведомостях», «Столичной почте», «Исторической летописи» и проч. Расширится и жанровый репертуар, который включит рецензии, критические обзоры о литературе, статьи, «песни», переводы, очерки о писателях и путешественниках. До революции появятся пять небольших сборников его короткой прозы, содержание которых во многом дублировало друг друга, повесть «Зеленый остров. Путешествие Миклухо-Маклая к папуасам» (1916), три тома очерков о писателях и литературе²³, сборники «Песни» (1914), «Цветы востока» (1912), включавшие стилизации, переводы и оригинальные поэтические тексты.

Рецензенты первых прозаических книг А. Пресса определили его жанр как «миниатюры», «акварели», «картинки»: «Повести и рассказы г. Аркадия Пресса, это — небольшие акварели, если хотите — незаконченные акварели, а только эскизы с натуры, сделанные à la prima, под первым впечатлением встречи, разговора или события. Вот почему в них много искренности, много жизни, мало сочиненности, деланности. <...> О настоящих размерах дарования молодого автора судить <...> еще трудно, и следует подождать от него чего-нибудь

²¹ Пресс А.Г. Писатели [Воспоминания]. Гейне из Тамбова (КК. SL. Ms. 87.7).

²² Ар. П-а <Пресс А.Г.>. Две встречи. Миниатюра // Нива. 1893. № 45. С. 1027; Ар. П-а. В чем счастье. Индийский рассказ // Нива. 1893. № 51. С. 1175–1178.

²³ Пресс А. Писатели XIX века (Характеристики). Книга первая. СПб., 1901; Пресс А. В царстве книг. Очерки и портреты. 2-е изд. Т. II. СПб., [1908]; Пресс А. В царстве книг. Очерки и портреты. Изд. 2-е. Т. III. <на обложке Т. II>. СПб., [1908].

более законченного; однако уже и эти рассказы могут быть прочитаны с удовольствием и оставляют в читателе, по своей идее, отрадное впечатление, в особенности два из них: “Принцип” — хорошенький идейный жанрик и “Спесь” — жанрик юмористический²⁴.

Рассказы, вошедшие в сборник 1908 года, в той же «Ниве» рецензент сравнил уже с чеховскими: «Рассказы г. Пресса немного напоминают по своей краткости и сжатости рассказы Чехова, но юмор г. Пресса несколько суше, а настроение гораздо грустнее. Лучшими из них, на наш взгляд, являются: “Недоразумение”, “Спесь”, “Приемный час” и “Еврейские девушки”²⁵.

Судя по уже упомянутым неопубликованным мемуарам «Писатели»²⁶, в этот период А.Г. Пресс интенсивно завязывал и расширял связи с литературным миром. Знакомился с редакторами «толстых» журналов и многотиражных газет, был заинтересован в публикациях и хорошей оплате. Среди его знакомых А. Михайлов-Шеллер («Живописное обозрение»), Н. Нотович («Новости»), А. Турчанский («Научное обозрение»), В. Буренин («Новое время»), В. Короленко («Русское богатство») и др. Но отнюдь не везде он встречал радушный прием.

Так, важный для него автор, секретарь, а потом редактор журнала «Русское богатство» В.Г. Короленко, критически отнесся к присланным рассказам, отказался публиковать их в журнале, где вскоре появилась отрицательная рецензия на сочинения Пресса, которая, по его же свидетельству, принадлежала самому редактору²⁷. В ней рассказы Пресса названы «бледными китайскими тенями на туманном фоне» и «отражением отражения»²⁸. Эти отношения запечатлены не

²⁴ Б.л. А. Пресс. Повести и рассказы. СПб. 1899 // Нива. 1899. № 10. Стлб. 436. См. также рец. на первый сборник: Нива. 1897. № 5. Стлб. 210.

²⁵ Б.л. А. Пресс. 1) В царстве книг. Т. I и II. Изд. 2-е. СПб. 1908. 2) Стружки. Рассказы. Изд. 2-е. СПб. 1908 // Нива. 1909. № 4. Стлб. 681–682.

²⁶ Готовятся нами к публикации.

²⁷ Пресс А.Г. Писатели [Воспоминания]. Короленко (КК Sl. Ms. 87.7). Это подтверждается публикацией письма Короленко к А.Г. Прессу от 29 апреля 1914 г. (Короленко В.Г. Избранные письма. Литературная и редакторская работа (1886–1920). М.: Гослитиздат, 1936. Т. III. С. 232–234; тут же приводится ответное письмо А.Г. Пресса, сохранившееся в архиве Короленко).

²⁸ Б.л. <Короленко В.Г.> Аркадий Пресс. Повести и рассказы // Русское богатство. 1899. № 8 (11). С. 8–10, 2-й паг. Ср. свидетельство в письме к жене, М.В. Ильинской: «Рецензию Короленко папа и мама читали уже давно и оба сказали, что это очень глупо и что слышна в каждом слове зависть (!). Мне было это очень приятно слышать из уст мамы. <...> Мама вполне примирилась с моей литературой. Ей самой, видно, моя книга очень понравилась, и вокруг нее многие говорят о ней. В Вильне Пирожков, который женат на Фене <?>, сестре Мишеньки и Наденьки, имеет Типографию и собирается перевести “Недоразумение” и “Святую Пасху” на еврейский язык. Словом, против меня пока один Короленко...» (КК. Sl. Ms. 87.28). В письме упоминаются Надежда и Михаил Штейнберги; Феня, вероятно, их сводная сестра.

только в позднейшем мемуарном очерке, посвященном писателю, но и написанном на злобу дня рассказе «Направления», где содержатся намеки на редакцию «Русского богатства»²⁹.

Пресс, по собственному признанию, посылал свои рассказы и Л.Н. Толстому, но ответа не получил³⁰. Сохранилось письмо С. Венгерова (от 19 января 1909 г.), в том числе содержащее ответ на просьбу написать рецензии на его книги:

Многоуважаемый Аркадий Германович.

Я всегда думал, что отзывы о моих книгах в «Ниве» пишет г. Эйзен³¹, а оказывается, что этими благосклонными отзывами обязан я Вам³². Приношу искреннейшую благодарность. Столь же искреннюю благодарность приношу за присылку книг. Сейчас же снял со статей о русских писателях карточки и приобщил к своему библиографическому собранию. Что касается отзыва о Ваших интересных книгах, то, к сожалению, так завален срочной работой, что едва ли смогу в ближайшем будущем написать что-нибудь. Но я бы мог вот что сделать. У меня ежедневно бывает сотрудник «Исторического вестника» А.Г. Фомин. Если бы вы прислали для него книги (беллетристических «Стружек» не надо), то я попросил бы г. Фомина дать отзыв в «Истор<ический> вест<ник>»³³. Для других журналов и газет Вам, конечно, моего посредничества не надо. 3 том Пушкина³⁴ я своевременно направлю прямо к Вам. С удовольствием готов прислать всё, что прикажете, из прилагаемого каталога Библиотеки «Светоча»³⁵.

С искренним уважением

С. Венгеров³⁶.

²⁹ Рассказ «Направление» вошел в сборник автора «Стружки» [9, с. 233–234].

³⁰ *Пресс А.Г.* Писатели [Воспоминания]. Горький (КК Sl. Ms. 87.7. Л. 159). Впоследствии он отзывался о Толстом не слишком комплиментарно.

³¹ Эйзен Илья Моисеевич (1869–1936) — писатель, сотрудник и редактор «Нивы», в советское время редактор Издательства Академии наук, одноклассник А.Г. Пресса по гимназии, упоминается в его воспоминаниях «Писатели».

³² Вероятно, речь идет о следующих заметках: *Б.н.* <*Пресс А.Г.*> Венгеров С.А. Полное собрание сочинений В.Г. Белинского // *Нива*. 1903. № 2. Стлб. 292; *Б.н.* <*Пресс А.Г.*> Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей // *Нива*. 1904. № 8. Стлб. 620.

³³ Рецензия А. Фомина действительно появилась в журнале. Отзыв был весьма критическим и содержал упреки в поверхностности. См.: *Фомин А.* Аркадий Пресс. В царстве книг. СПб. 1909 // *Исторический вестник*. 1910. Март. Ср. положительную рецензию А. Трачевского на его более ранний сборник «Писатели XIX века» (1901), во многом совпадающий по составу: *Трачевский А.* Люди и призраки // *Научное обозрение*. 1901. Март. С. 59–67.

³⁴ Имеется в виду следующее издание: *Пушкин А.С.* [Сочинения]. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1909. Т. 3: Статьи и заметки; Стихотворения 1829–1834 гг. (Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова).

³⁵ Название книжной серии, выходившей под редакцией С. Венгерова.

³⁶ КК. Sl. Ms. 87.2.

Значительное место в дореволюционном творчестве Аркадия Пресса занимала еврейская тема. Писатель длительное время сотрудничал с «Еврейской энциклопедией», и среди его статей были и такие, которые отмечены этим изданием как магистральные, в частности, «Вечный жид»³⁷. Авторство других, меньших по объему, может быть обнаружено лишь при фронтальном просмотре томов: это статьи о Жаке Бодене³⁸, Короленко³⁹, Илье Гинсбурге⁴⁰, Венгеровых⁴¹. Среди последних особое для него значение имела родоначальница этой семьи, писательница Паулина Венгерова, автор мемуаров о жизни патриархального еврейства в Беларуси и Литве (она была родом из Брест-Литовска). Этнография еврейских местечек, обычаи, одежда, быт, история, религия — все это было темой прозы и самого Пресса, что сближало его не только с Венгеровой, но и с прозой С. Фруга, у которого, кроме прочего, фигурировал один из любимых писателем тип еврейских мудрых чудаков⁴². Об интересе к «Воспоминаниям бабушки» П.Ю. Венгеровой, вышедшим по-немецки в 1908 г. отдельной книгой, как и пиетете, который он испытывал к самой мемуаристке, свидетельствует письмо Пресса и посланный адресату в подарок сборник его собственных рассказов:

7 Декабря 1909

Многоуважаемая Паулина Юлиевна!

Посылаю Вам заметку из «Еврейской энциклопедии» о Вашей книге и о работах Ваших детей. На днях, если позволите, пришлю Вам также статью о Ваших мемуарах, которая выйдет в последней книге журнала «Еврейская старина»⁴³. Засим не откажите принять

³⁷ *Пресс Арк.* Вечный жид // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / под общей ред. д-ра Л. Каценельсона и барона Д.Г. Гинсбурга. СПб.: Изд. О-ва для научных еврейских изданий и Издательства Брокгауз-Ефрон, 1910. Т. V. Стлб. 896–904.

³⁸ *Пресс Арк.* Боден Жак (Vodin) // Там же. Т. IV. Стлб. 766.

³⁹ *Пресс Арк.* Короленко Владимир Галактионович // Там же. Т. IX. Стлб. 771.

⁴⁰ *Пресс Арк.* Гинсбург Илья Яковлевич // Там же. Т. VI. Стлб. 534–536.

⁴¹ *Пресс Арк.* Венгерова Зинаида Афанасьевна // Там же. Т.V. Стлб. 418; Венгеров Семен Афанасьевич // Там же. Стлб. 418–421; Венгерова Паулина Юлиевна // Там же. Стлб. 418–419. Статья об И.А. Венгеровой, судя по криптонуиму, принадлежала А. Тарле.

⁴² Ср., например, рассказ Фруга «Дача» и рассказы А. Пресса «Печка», «Юдель».

⁴³ Имеется в виду следующая рецензия: *Пресс Аркадий.* О мемуарах г-жи Венгеровой. Pauline Wengeroff. Memoiren einer Grossmutter. Bilder aus der Kulturgeschichte der Juden Russlands im 19 Jahrhundert. Band I. Mit einem Geleitwort von Dr. G. Karpeles. Berlin 1908 (VII + 200 str.) // Еврейская старина: Трехмесячник Еврейского историко-этнографического общества, издаваемый под редакцией С.М. Дубнова. 1909. Т. II. С. 307–331. Отрывки воспоминаний П. Венгеровой на русском печатались в газете «Восход» в 1903 г.

от меня книжку моих рассказов⁴⁴ в знак моего глубокого уважения и искренней симпатии к Вам и Вашему прекрасному таланту.

С почтением
Аркадий Пресс.

Петербург
Пет<ербургская> Стор<орона>
Павловская ул. Д. 9⁴⁵.

Большое место в его творчестве занимала и тема антисемитизма, которую он пытается осмыслить, в том числе, и в своих энциклопедических статьях, в частности, о Короленко, И. Гинцбурге, и в собственных художественных текстах. События самого драматичного рассказа на эту тему, «Призраки», разворачиваются в «старом польском городке» [9, с. 163], где в тесном соседстве между собой живут евреи, русские, поляки и литовцы и где происходит жестокое убийство еврейской старухи, хасидки («хсиде»), бабушки рассказчика. Не исключено, что прототипом этого города был Ковно (Каунас), откуда, как уже говорилось, происходили предки Пресса. Уголовное по характеру преступление, расследуемое в рассказе, является поводом для изображения антисемитской атмосферы, царящей среди жителей, администрации, судебных и полицейских чиновников города, куда на похороны из Петербурга приезжает герой. Как часто у Пресса, этот трагический сюжет имеет биографический подтекст, что подтверждается сохранившимся в архиве фрагментом его письма, видимо, адресованного жене. Упоминаемые в нем подробности совпадают с деталями рассказа: «Похороны в воскресенье. <...> Перестаешь верить в завтрашний день. <...> Еще два дня невероятной тяжести. Дай Бог вынести. <...> Убийцы — драгунские солдаты. 2 пойманы. Я видел одного... Прислуга ослепла, но еще жива»⁴⁶. Отметим также, что рассказ открывается пассажем, в котором нетрудно расслышать подлинный голос автора (как и в большинстве текстов Пресса, повествование ведется от первого лица):

Я не вырос среди своего народа.

Картины жизни евреев, случайно виденные мною в детстве, слились в моей памяти с чудными библейскими образами. Поэзия возвышенных молитв, могучие звуки древнего языка живут во мне

⁴⁴ Имеется в виду вышедший в один год с мемуарами сборник «Стружки» [9].

⁴⁵ ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 4. Ед. хр. 1007. Л. 1–2.

⁴⁶ КК SI. Ms. 87.28.

наряду с воспоминаниями о длинных «капотях», ярмолках, пейзах, о порывистых восточных жестах, взглядах и говоре. Все это — и жизнь и фантазия — слилось в моей душе в одну светлую, почти волшебную грезу далекого, золотого детства...

Еврейство — все, что касается еврейства — было для меня мечтою... [9, с. 142].

В его творчестве антисемитизм имел свою особую географию и был нередко связан с хорошо известными автору локасами дачной и курортной жизни, где он часто проводил летнее время с родителями, уже и после рождения своих старших детей, в том числе для поправки здоровья. Так, действие рассказа «Недоразумение» разворачивается в поезде, по дороге на Рижское взморье, в Дуббельн (Дубулты), куда следует рассказчик и где автор провел летний месяц 1899 года, делясь своими впечатлениями в письмах к М.В. Ильинской, остававшейся в Петербурге. Между главными героями рассказа вспыхивает страсть, однако вскоре на первый план выходит иная коллизия. Оба случайных попутчика героя оказываются юдофобами: и страстная «блондинка с темными глазами», направляющаяся в Тарту, которая принимала своего vis-à-vis еврея за немца или итальянца, и случайный господин, по-чеховски проспавший все действие на верхней полке, представитель совершенно другого класса — учитель, автор незаконченной диссертации на «историко-библейский сюжет», едущий в Ригу.

Финляндские мотивы в дачных сюжетах также были связаны с обстоятельствами личной биографии автора, однако, в отличие от еврейских, в повествовании зачастую играли второстепенную или эпизодическую роль, а финны и финский *couleur locale* служили лишь фоном для происходящих событий. В упомянутой выше рецензии, напечатанной в «Русском богатстве», В.Г. Короленко в этой связи иронизировал над героями Пресса, которые «по большей части ездят на дачу в Финляндию». И, упрекая автора в отсутствии реальных сюжетов, повторялся: «Может быть, это происходит оттого, что муза г. Пресса только и питалась, что разными ”отражениями”, только и ездила, что по финляндской дороге. Пожелаем автору большей широты наблюдения»⁴⁷.

Аркадий Пресс был тесно связан с дореволюционной дачной Финляндией, с детских лет проводил лето на Карельском перешейке, и затем, уже независимо от старшего поколения семьи, приобрел

⁴⁷ Б.п. <Короленко В.Г.> Аркадий Пресс. Повести и рассказы // Русское богатство. 1899. № 8 (11). С. 9–10. 2-й паг.

там, как зафиксировано в документах, собственный дом («вилла Аркадия»)⁴⁸. В круг его общения еще до революции входили известные финляндские «дачники», связь с которыми, в частности, с семьей И. Репина, продолжилась и позднее, уже после того, как Прессы оказалась в эмиграции в Финляндии.

Обработка финской темы в его творчестве начиналась в жанре дачного рассказа⁴⁹, но не ограничилась развлекательной «повесткой», автор так или иначе стремился к ее проблематизации, освещению болезненных общественных вопросов.

В рассказе «Дача» [9, с. 118–123] соединены обе значимые для писателя темы. Петербургский доктор, оставивший задаток дачевладельцу финну Матти Кархунену, в июне обнаруживает, что его дача сдана другим постояльцам, а задаток не подлежит возврату. Причиной является закон о черте оседлости, и, хотя герой имеет право на свободное заселение, в новом сезоне в Финляндии действует особое положение для евреев-дачников, требующее финляндское подданство, отсутствие которого не мешало аренде в предыдущие годы. Но вопреки юридической правомерности отказа, сочувствие местных жителей оказывается на стороне доктора. Выступление «простого народа» в роли морального арбитра — частый прием в финских сюжетах автора, и, несмотря на свой эпизодический характер, такие персонажи несут важную смысловую нагрузку.

Тот же прием использован в рассказе «Экзамен на магистра» [9, с. 69–107]⁵⁰, где автор критически изобразил университетскую среду, будучи сам выходцем из нее. По сюжету герой-рассказчик не может получить магистерскую степень по философии из-за предвзятого отношения экзаменующего профессора и его льстивого окружения. Причина — зависть и ревность к рано умершему его научному руководителю, который в рассказе носит фамилию Сперанский. Судя по всему, под этим именем скрывается реальный прототип, Сергей Александрович Бершадский (1850–1896), известный историк, юрист, профессор Санкт-Петербургского университета. Это предположение подтверждается и посвящением одной из философских брошюр Аркадия Прессы, указывающим на связь последнего с известным ученым: «Книгу эту посвящаю я памяти профессора Сергея Алек-

⁴⁸ Ее владельцем он числился с 1905 г. См.: Старые дачи: Архивные материалы: Справочник. URL: https://terijoki.spb.ru/old_dachi/od_people.php# (дата обращения: 12.07.2024); [11, с. 208–210]

⁴⁹ Подробнее см.: [12].

⁵⁰ Ранее рассказ выходил под названием «Дружба» (*Пресс А.Г.* Повести и рассказы. СПб., 1899. С. 139–184).

сандровича Бершадского, под руководством которого я работал в течение четырех лет»⁵¹.

Целый ряд деталей, введенных в текст, совпадает с биографическими подробностями и реальным портретом Бершадского: профессор университета, носитель черной бороды, что запечатлено на сохранившихся его портретах, читает лекции по философии, в том числе о Платоне, имеет дом (дачу) в Финляндии, умирает в расцвете лет от неизлечимой болезни и пр. Ученый изображен прежде всего как талантливый университетский преподаватель, не понятый ни коллегами, ни большинством малообразованных студентов и окруженный завистниками.

Сперанский-Бершадский представлен в рассказе и в другой своей ипостаси — в образе частного человека. Сцены приватной жизни Сперанских разворачиваются в финляндском «поместье», что является поводом для автора наполнить эти страницы финскими пейзажами и ввести эпизодические образы финнов, местных жителей. Судя по документам, дача Бершадского находилась в деревне Ино, Уусикирской волости Выборгской губернии (наименование участка: Marttila, номер:13-5)⁵², вероятно, именно эти места (ныне поселок Поляны) и описаны в рассказе:

Летом Сперанский жил на берегу Финского залива в верстах шестнадцати от железнодорожной станции.

У него была своя дача — маленькое поместье.

Оно было расположено под горою почти у самого берега моря. <...> Это был тихий мирный уголок... [9, с. 73–74].

Функция эпизодических персонажей и здесь была не только и не столько «этнографической». Они демонстрировали истинный («не напоказ») демократизм главного героя, играя роль, как уже говорилось, морального арбитра его дел и поступков, в данном случае в противопоставлении университетской профессуре:

⁵¹ Пресс А.Г. Платон. СПб., 1900. Имя Бершадского упоминается также в письме Пресса к М.В. Ильинской (лето 1896 г.). Описывая свою поездку в Кранц (курорт под Кенигсбергом), он, в частности, сообщал: «В Пруссии я очутился в вагоне с одним сербом, кончившим в этом году петербургский университет. Мне было очень приятно слышать, что он очень хвалит Бершадского. Я не сказал ему, кто я, чтоб не испортить впечатления» (КК. Sl. Ms. 87.28). См. также некролог С.А. Бершадского, принадлежавший его перу: А.П. Памяти С.А. Бершадского // Новости и биржевая газета. 1896. 26 апреля. № 56. С. 2.

⁵² См.: Старые дачи: Архивные материалы: Справочник. URL: https://terijoki.spb.ru/old_dachi/od_people.php (дата обращения: 12.07.2024).

Мой возница, природный финн с морщинистым лицом, то и дело спрыгивал с тележки и шел рядом с лошадыю. <...>

Лошадка тяжело дышала, опустив голову, и временами спотыкалась о камни, валявшиеся в песке.

— ...Alä puto! (Не надо падать) — вскрикнул возница.

— Ты здешний? — спросил я возницу.

— Да... да! — ответил финляндец.

— А как звать тебя?

— Тойвоне!... — Юхани Тойвоне!

— Ты служишь у Сперанского?

— Нет!.. — ответил он. — Я «naarigi»

— Сосед?

— Да, да! — Сусед, сусед!...

— Что ж, ты давно Сперанского знаешь?

— Перанского!.. — переспросил он. — Давно ... давно!..

— Он махнул рукой.

— Вы дружно живете с ним?

Финлядец быстро повернулся ко мне лицом, словно его дернуло.

— Мы очень Перанского, — сказал он — «rakastan»!

— Любите?

— Да, да!... Любим!

Он весь расплылся в широкую улыбку.

— А за что же вы его любите?

— Он хороший есть! — ответил финн. — Нувä on!.. Нувä on!..

— Что ж он вам делает?

— Много делает! — ответил он. — Нам он «raha» деньги давал... я землю покупал... и избу строил!..

— Это... у моря-то твой домик?

— Да, да! — Мой!.. Там еще другие есть!

Он указал по направлению к морю.

— Перанского все знают!.. Какой «poika» (крестьянин) бедный, — он тому помогает!..

Финляндец снова сморщился в улыбку.

Мы были на вершине холма.

Он подобрал вожжи и прикрикнул на лошадыю.

Когда мы съехали в долину, он еще бормотал про себя:

— Нувä on!.. Нувä on... <...>

Поодаль два черных силуэта финских рыбаков бесшумно стацили в воду большую лодку и поплыли в море.

Я не мог позабыть моего Юхана. Я все еще видел пред глазами его добродушное морщинистое лицо и в ушах моих раздавались его слова, сказанные про Сперанского:

— Нувä on!.. Нувä on!... [9, с. 76–77]

Подобные, в традициях русской классики, образы людей из народа идейно сближали художественные тексты Аркадия Пресса и его же критические статьи, где автор пропагандировал финноязычную, «народную» литературу, используя метафору «нравственной силы»⁵³, и противопоставляя ее «немецко-шведской» «аристократической» и административной культуре Финляндии.

В последнее десятилетие века интерес к проблеме становления финноязычной прозы возник у целого ряда русских писателей, критиков и переводчиков, в число которых входил и Пресс. Одному из самых известных в это время финских писателей Юхани Ахо он посвятил статью, а впоследствии оставил о нем мемуары⁵⁴. Интерес к финскому языку и литературе реализовался, таким образом, в текстах разного жанра. В переиздание своей небольшой книги «Теория словесности» (1916) Аркадий Пресс также внес сведения из финских учебников, демонстрируя в этом отношении свою осведомленность: «Наконец я имел в виду финский язык и финскую литературу. Учебник теории словесности, принятый в финских школах “Runous-Ooppi” (В.Ф. Godenhjelm)⁵⁵, в части, касающейся поэзии, во многих отношениях лучше немецких и французских учебников. Поэтому знакомство с финской наукой мне кажется полезным»⁵⁶.

«Новое искусство» оказалось вне поля его интересов, также позднее он будет равнодушен к его представителям и в литературе эмиграции. В этом смысле характерно его воспоминание о встрече с Блоком в 1918 г., которое свидетельствовало о неведении автора в истории прошедшего мимо него русского символизма. Однако,

⁵³ Пресс А.Г. Литература пасынков природы // Пресс А.Г. В царстве книг. Т. I. С. 399.

⁵⁴ Пресс А.Г. Юхани Ахо. Портрет // Там же. С. 391–395. Ср. также свидетельство писателя о реакции героя очерка: «<...> в моем столе в Канерве лежало письмо (открытка) от Ахо из Järvenpää asema с благодарностью за то, что я поместил его в такое хорошее общество — рядом с Додэ, Мопассаном, Флобером и др.» (Пресс А. Книга любви. Л. 295). Отметим, что название одного из сборников самого Аркадия Пресса «Стружки» совпадает с заглавием сборников Юхани Ахо «Lastuja» (1891) и «Uusia lastuja» («Новые стружки», 1892).

⁵⁵ Бернхард Фредрик Годенхельм (1840—1912) — финский литературовед. Автор финско-немецких словарей, истории финской литературы, многократно переиздававшейся.

⁵⁶ Пресс А.Г. Теория словесности. Для учителей. Пг.: Изд. А.Д. Ступина, 1916. С. 4. См. письмо Пресса к Э. Радлову от 16 января 1916 г. по поводу редакции этой книги: ИРЛИ. Ф. 252. Оп. 2. Ед. хр. 1253. Л. 1–4.

вместе с тем, эта запись позволяет «взглянуть» на Блока глазами «популярного» автора, не избежавшего, если верить его воспоминаниям, увлечения марксизмом, и на тот момент также переживавшего хаос большевистского переворота и ищущего точки сближения с советской властью. К А. Блоку Пресс обратился за помощью в постановке и публикации перевода пьесы «Жена рабочего» известной финской писательницы Минны Кант, сделанного его дочерью. Анна Аркадьевна Пресс в это время училась на историко-филологическом отделении Высших женских курсов «по группе русской филологии» (ученица Бодуэна де Куртэнэ):

Я ходил с этой пьесой в какой-то театральный комитет, которым заведовал некий «футуристический» поэт Александр Блок. Знаменитая «рабочая» пьеса, казалось, весьма подходила к рабочему театру нового РСФСР — союза. Но «футурист» был больше поэтом старого порядка и поставить на сцене пьесу Ани мне не удалось. Аудиенция моя происходила в бывшем дворце велкого князя Владимира⁵⁷ — в зале обитом палевым крепом с черными цветочками и такой же «будуарной» мебелью, пахнувшей «Трианомом с Помпадуршей». Поэт был маленький, наглый и препротивный, но жена его, дочь Менделеева, с широким лбом отца, была очень проста и ласкова со мной... Перевод нашей Ани так и остался погребенным в Канцелярии «футуриста»...⁵⁸

Возможно, что слово «футурист», несколько раз иронично употребленное автором в адрес Блока, используется им как синоним модернизма, чуждого, по его мнению, подлинным демократическим устремлениям. В целом Блок намеренно изображен устаревшим и неуместным, сродни мебели и самому особняку, где происходит эта встреча.

В революционном Петрограде начался новый этап жизни писателя, завершившийся «бегством» из голодного города и последующими скитаниями, которые предшествовали эмиграции. Потеряв источники дохода, Аркадий Пресс и его старшие дети вынуждены были искать средства к существованию для всей семьи. Оба взрослых сына, Аркадий и Герман, в это время были студентами Академии художеств⁵⁹. Семья жила на «два дома»: «младшая» ее часть

⁵⁷ В 1918 г. тут разместились ТОО Наркомпроса, с 1920 г. — Дом ученых; Дворцовая наб., д. 26.

⁵⁸ Пресс А. Книга любви. Л. 123–124.

⁵⁹ См. билет на посещение Петербургских государственных свободных

с М.В. Ильинской-Пресс оставались, как и многие финляндские дачники, в более сытой сельской местности, на даче в Канерве, а старшие — с отцом жили в Петрограде. Между собой они общались, как и в мирные времена, кочуя по железной дороге, из города на дачу и обратно. В архиве сохранился специальный пропуск, «удостоверение», выданное 26 апреля 1917 г. А.Г. Прессу, «действительно имеющему надобность неоднократно ездить в ближнюю Финляндию»⁶⁰. Связь также поддерживалась регулярно отправляемыми письмами и открытками (почтовые карточки) с информацией о текущих делах, переводе денег, устройстве на работу и проч. Между тем, обстоятельства жизни, которые расценивались как временные, стремительно ухудшались. Образ голодного и опустевшего Петрограда тех лет запечатлен в позднейшей фрагментарной записи старшего сына, Аркадия Аркадиевича Пресса:

...началось бегство из города, массовое, повальное, настоящая эпидемия, в несколько месяцев опустели отдельные дома, затем улицы, затем целые кварталы, а Голод все царствовал в нашем городе. Из столицы тогда еще Петроград превратился в уездный городок <...> В течение одного с лишним года число <жителей> упало до 800 тысяч <...> На улицах росла густая зеленая трава, прорастая между камнями булыжной мостовой. Нередко можно было встретить ребятишек, пасущих козочку прямо посередине улицы. На Моховой мало езды было всегда, а теперь совершенно никакой. Но если бы кто-либо захотел проехать по этой улице, не знаю, чем бы кончилась такая попытка. Шашечная мостовая была разобрана и разобрана какими-то поперечными полосами, оставшиеся шашки не могли удержаться на своих местах. <...> В городе жгли все двери, оконные рамы, мебель, наличники, ставни, паркетные рамы. <...> И весь этот материал добывался в соседних домах, покинутых изголодавшимися хозяевами. Большинство имущества оставалось в квартирах, часть беженцев мысленно думали вернуться в недалеком будущем. — Меня пригласила к себе прачка, жившая в подвале в углу много лет. Прихожу в квартиру из 5 комнат, чудно обставленную, и моя прачка выходит ко мне в шелковом красном платье, такого покроя, который носили только на вечерах. Ее муж, младший дворник из соседнего дома, вышел ко мне тоже чуть ли не в смокин-

художественно-учебных мастерских на имя Г.А. Пресса, удостоверяющий его принадлежность к мастерской профессора В.И. Шухаева. Выдан на 1918–1919 уч. год (КК Sl. Ms. 87.28).

⁶⁰ КК Sl. Ms. 87.1.

ге. Но как на них сидели эти когда-то бесценные вещи, теперь были смешны, никому никуда не годный хлам. Правда, моей маленькой прачке очень не повезло, она щеголяла в шелку не более полугода. Старые хозяева вдруг появились, и началась свалка с милицией, процессом, судом и арестом. Другим повезло больше, они с быстротой умопомрачительной ликвидировали попавшее в их руки имущество. Многие имели несколько квартир и перетаскивали по ночам вещи из одной в другую, уже расставляли караваны из подвод, и эти караваны уходили из города, иногда очень далеко. Я много лет спустя видел, вещи из Петербурга продавались в парижских магазинах. Много имущества шло и в Финляндию, хотя граница была закрыта⁶¹.

В это время А.Г. Прессу вновь пришлось определяться на государственную, теперь уже советскую, службу. Он поступил на работу в Наркомпрос⁶², получил место директора гимназии, которая в новоиспеченном советском быту все еще именовалась «гимназией вел. кн. Алексея», а в период реорганизации Публичной библиотеки в течение двух месяцев (с 29 января по 24 марта 1918 г.) и здесь исполняет должность директора («правительственного комиссара»), что подтверждено многочисленными документами⁶³. Об этом сохранилось и несколько коротких записей в разных фрагментах его воспоминаний: «В 1918 г. меня выбрали Правительственным комиссаром и директором быв<шей> Императ<орской>, ныне Государственной, Публичной библиотеки в Петербурге. Я не принадлежал ни к какой партии — меня знали только по книгам — мое назначение вызвало протесты во всех партиях, особенно среди черной сотни и кадетов, и каких-то эсеров <так!>, и самих коммунистов. Тогда В.И. Ленин, которого я лично тоже не знал, дважды подтвердил мое назначение»⁶⁴.

Источником сведений об инциденте, послужившем причиной увольнения А.Г. Пресса из библиотеки (кража книг), служат мемуары сотрудника Наркомпроса И.В. Егорова⁶⁵, который сам при схожих

⁶¹ КК. Sl. Ms. 87.28.

⁶² На недолгое время туда же был определен в 1919 г. его сын Герман (см. удостоверение на его имя, сохранившееся в архиве: КК. Sl. Ms. 87.28).

⁶³ Грин Ц.И. Пресс Аркадий Германович // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь. URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=694 (дата обращения: 15.12. 2024).

⁶⁴ Пресс А. Книга любви. Л. 273. Ср. другую запись: «Когда меня назначили директором Публичной библиотеки — мы жили в Канерве — я приехал домой — ты как всегда с детьми встретила меня с радостью, обняла и поцеловала <...> потом сказала: “Поздравляю тебя!.. Но я не рада!.. Я боюсь!.. Это слишком видно! Опасно такое место!..” Ты была права!.. Pour vivre heureux vivons cachés!.. [Чтобы жить счастливо, давайте жить скрытно!..]» (Там же. Л. 23)

⁶⁵ Иван Васильевич Егоров (1887–1971) — бывший житель Гельсингфорса,

обстоятельствах занял должность комиссара Книжной палаты. Приведем этот фрагмент, которому не нашлось, однако, какого-либо документального подтверждения:

В другой раз явилась целая делегация во главе с академиком А.А. Шахматовым. Среди пришедших были видные библиофилы и сотрудники Публичной библиотеки — В.М. Андерсон, В.И. Саитов, А.И. Браудо и другие. Волнуясь, они наперебой изложили свое дело. Оказалось, что небезызвестный в то время компилятор и популяризатор Аркадий Пресс самозванно объявил себя комиссаром Публичной библиотеки. Устроил на работу своих сыновей и вместе с ними принялся расхищать ценнейшие собрания этого хранилища. Книги целыми возами отправляли на квартиру комиссара.

Я тотчас же доложил об этом безобразном случае Луначарскому. Пресса отставили, а комиссаром Публичной библиотеки назначили Владимира Максимовича Андерсона [7, с. 248].

В документе по сдаче дел, сохранившемся в архиве, за Прессом в качестве «недостачи» числились только казенные бумаги⁶⁶. Отметим, что одна из «открыток» А.Г. Пресса к жене от 8 октября 1918, т. е. спустя семь месяцев после увольнения, содержала просьбу при переезде забрать с дачи самое необходимое, в том числе «казенные книги», которые от «меня все требуют»⁶⁷. Трудно судить, имело ли это отношение к вышеописанному серьезному обвинению, выдвинутому против юриста, знатока и поборника закона. Но во всяком случае, проблемы сообщения с Финляндией начались гораздо раньше, что стало настоящим ударом для А.Г. Пресса и его семьи.

Самый тяжелый кризис разразился в апреле 1918 г., когда, в связи с ходом гражданской войны в Финляндии и победой белых, граница, контроль на которой до этого времени осуществляли финские красногвардейцы, внезапно закрылась на длительный период. Аркадий Пресс как владелец дома, скорее всего, имел юридическое право на проезд к оставшейся в Финляндии семье, однако, в период военного хаоса это основание, судя по всему, во внимание не принималось⁶⁸. Во всяком случае, все усилия получить официальное

выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, участник семинара С. Венгерова, муж Т.И. Немчиновой, дочери писателя И. Ясинского.

⁶⁶ См.: Дело правительственного комиссара по Российской Публичной библиотеке Аркадия Германовича Пресса (Архив РНБ. Ф. 10/1. № 3233. Л. 14).

⁶⁷ КК. Sl. Ms. 28.

⁶⁸ Ср.: «До 1923 г. из Советской России выпускали хозяев недвижимой собственности, и под этим предлогом можно было въехать в Финляндию и не вернуться на Родину.

разрешение на пересечение границы оказались тщетными. Эти обстоятельства, слухи о боях, идущих недалеко от его дачи, поток «красных» беженцев из Финляндии, которых он наблюдал на пограничной станции Белоостров, усиливавшееся беспокойство за жену и детей, невозможность передать им деньги на жизнь — всё это заставило его решиться на нелегальный переход границы вместе с одним из своих сыновей Германом, в то время, как уже говорилось, 24-летним студентом Академии художеств. Этим событиям посвящен его позднейший неопубликованный текст, по авторскому определению — роман под названием «Граница» (1931–1942). «Бегство» в Финляндию, однако, не состоялось, Прессы были задержаны и выдворены с риском для жизни обратно в Советскую Россию. Воссоединение семьи произошло в голодном Петрограде, куда вскоре вернулась из Канервы М.В. Ильинская-Пресс, оставив в Финляндии дом и имущество.

Менее чем через год после драматических событий, описанных в упомянутом «романе», и окончательного отказа «финского сената» на проезд в Канерву, несмотря на ходатайства известного финского писателя Юхани Ахо, семья покинула Петроград, сменив направление «побега». Отметим, что поток беженцев в Финляндию к этому времени стремительно вырос, были налажены нелегальные пути исхода и найти опытных проводников не составляло труда. Однако Прессы не решились повторить неудачный опыт, вероятно, опасаясь и вспышек гражданской войны в Финляндии, и дополнительных рисков переправы несовершеннолетних детей. «В 1919 г. мы бежали из “голодного” Петербурга в Оршу и бросили свой дом, и все вещи навсегда»⁶⁹. Так они вновь оказались в приграничном городе, находившемся на военном положении, под властью большевиков, в разгар эпидемии сыпного тифа, где в ожидании документов на право выезда из советской России «застряли» почти на четыре года. Прессу удалось добиться беженского статуса для всей семьи, подтвердив свою связь с Литвой, куда, в этом случае, они могли уехать как реэвакуированные во время первой мировой войны оптанты⁷⁰.

Кроме <...> Леонида Николаевича Андреева и Ильи Ефимовича Репина, среди владельцев дач на Карельском перешейке, назовем имена историка литературы, библиотекаря Владимира Николаевича Тукалевского, генерал-лейтенанта, командующего белой Олонецкой армией Владимира Степановича Скобельцына, литературоведа, камергера Ивана Ивановича Тхоржевского, философа, популяризатора науки Аркадия Германовича Пресса [2, с. 7].

⁶⁹ Речь идет о доме на Павловской ул. в Петрограде, который был национализирован в 1920 г.

⁷⁰ См. заверенный перевод с литовского (от 12 октября 1921 г.) удостоверения, подтверждающего, что «Аркадий Германович Прес <так!>, проживающий в настоящее время в Орше, — постоянный житель Литвы, высланный во время войны в Россию»,

Для получения виз, в том числе на транзитный переезд через Латвию и пребывания в карантине в Режице (Резекне), а также оплаты всех расходов на семью из семи человек, А.Г. Прессу пришлось из Орши выезжать в Москву⁷¹. Преодолев многочисленные трудности, в 1923 г. семья добралась до Литвы, где в это время проживала Анна Васильевна Пресс, мать писателя.

В Орше, несмотря на тяжелые условия, А.Г. Пресс работал как лектор в Оршанском Народном университете, выступал с концертами и популярными лекциями о музыке в школах, на вечерах, на почте, в полевом госпитале, в красноармейских частях, «в полуразрушенных зданиях без окон и дверей, в ночное время, тут же стояли лошади, пулеметы»⁷². «Работы было так много, что едва поспевал. Каждый вечер я где-нибудь читал. Гонорар получал я натурой как паек и прибавку к пайку. Таким образом я кое-как кормил семью»⁷³.

Следующий период жизни, в Ковно, где семье были выданы литовские паспорта, длился до 1925 года. В это время продолжилась литературная деятельность А.Г. Пресса. Он, по собственным свидетельствам, занимал должность профессора консерватории, продолжив читать лекции по истории музыки, работал как музыкальный критик⁷⁴, сотрудничал в русской газете «Эхо» («Aidas»)⁷⁵, ежедневной газете «Lietuvos žinios»⁷⁶ и других изданиях, где печатался на литовском. Но несмотря на тесные связи с Ковно, ставшим его «официальной» родиной⁷⁷, конечной целью по-прежнему оставалась пограничная, «дачная», восточная Финляндия.

за подписью секретаря беженского отдела полномочного представительства Литовской республики в РСФСР; а также ряд других свидетельств, в том числе единый беженский билет от 24 марта 1922 г., выписанный на имя Аркадия Аркадьевича Пресаса и Анны Аркадьевны Пресас (КК. Sl. Ms. 87.28).

⁷¹ См. письмо от 28 февраля 1923 г. с грифом отдела по эвакуации беженцев, уведомлявшее адресата о необходимости получения визы в Москве (КК. Sl. Ms. 87.2).

⁷² Запись об отце, принадлежавшая одному из сыновей, возможно, А.А. Прессу (КК. Sl. Ms. 87.1).

⁷³ Фрагментарная запись карандашом, принадлежащая А.Г. Прессу (КК. Sl. Ms. 87.9). Сын Герман в этот период работал «инструктором изобразительных искусств при детских домах Оршанского уездного отдела Народного образования»; см. его удостоверение от 13 августа 1920 г. (КК. Sl. Ms. 87.28).

⁷⁴ В частности, писал отчеты о симфонических концертах в Городском саду.

⁷⁵ См. удостоверение сотрудника газеты, выписанное на имя Аркадия Прессе <так!>, от 18 июля 1923 г. на литовском, русском и французском языках за подписью редактора Аркадия Бухова (КК. Sl. Ms. 87.1). А.С. Бухов (1889–1937) — известный писатель, эмигрант, бывший «сатириконовец». О его деятельности в этот период см., в частности: [1].

⁷⁶ См. удостоверение корреспондента ежедневной газеты на имя писателя (КК. Sl. Ms. 87.1).

⁷⁷ Отметим, что в ряде анкет, и в том числе в полученном позднее финском паспорте, в графе места рождения значилось Ковно (Каунас).

В 1925 г. я поехал в Финляндию. Меня влекло к «нашим» местам, откуда нас изгнала война и революция <...> Я мог ехать на юг Франции... Франц<узский> посол в Ковне Padovani предлагал мне ехать в Bordigera⁷⁸... Швейцарский консул Weingard советовал в Швейцарию и облегчил бы мне переезд. — Но я выбрал Финляндию, я хотел вернуться «домой»!⁷⁹

Однако дом и земля в Канерве к этому времени уже были конфискованы и, заново обустраиваясь на старых местах, Прессы рассчитывали на финансовые компенсации. Часть семьи осела в Келломяках (Комарово). Герман Пресс с женой и родившимся там сыном⁸⁰ поселились в Териоках (Зеленогорск). Сохранилась фотография И. Репина и А. Пресса, относящаяся, судя по всему, к этому времени и сделанная известным финским писателем Илмари Киянто (1874–1970), дача которого находилась в Канерве⁸¹. Нашлись, как кратко отмечал в своих заметках писатель, и старые знакомые финны, и даже лавочник, которого они знали еще до революции, но возвращение в «потерянный рай» не принесло удачи.

С 1928 г. А.Г. Пресс преподавал в Териокском общественном колледже (Terijoen kansalaisopisto), где читал лекции по народному искусству и географии⁸². В это время он усиленно занимался продвижением в печать своих произведений, часть из которых вышла маленькими тиражами за счет автора на финском, французском и английском языках (в Териоках и в Выборге). В этот период жанр «миниатюр», «праерафаэлитских картинок», характерный для его ранней прозы, уступил место миниатюрным «романам» для широкого круга читателей. Из дореволюционного репертуара в новые тексты перешла тема путешествий и путешественников. Его герои зачастую были связаны культурными узами с Россией. Ряд произведений этого времени в оригинале писались на французском или финском, не являясь переводами, у других имеются «двойники» (варианты или авторские адаптации) текстов на разных языках, преимущественно

⁷⁸ Город у франко-итальянской границы.

⁷⁹ Пресс А.Г. Книга любви. Л. 64–65.

⁸⁰ Фотографию его дома, совмещенного с принадлежавшим ему фотоателье см.: [3, с. 101].

⁸¹ Фотография опубликована: Georege Presas. Kuka oli Jurij Repin? // Kaltio. 1962. № 5. S. 115; Kähkönen E. Entinen Terijoki: kylämuistoja. Kouvola, 1982. S. 216. Канерва — полустанок между Келломяки (Комарово) и Куоккала (Репино). Воспоминания о И.Е. Репине А.Г. Пресса были напечатаны на финском (Suomen Sosialidemokraatti. 1941. №№ 73, 80) и на русском (Русский листок. 1984. №№ 5, 6).

⁸² См. подтверждающий это «сертификат» на финском языке от 20 декабря 1932 г. (KK. Sl. Ms. 87.1).

тоже на финском и французском. Но этим автор не ограничился, и одно из направлений его деятельности это организация не только изданий, но и переводов собственных произведений, которые, судя по всему, также осуществлялись преимущественно за свой счет.

Вышедшая на английском повесть «Зеленый остров» о Н.Н. Миклухо-Маклае («The Green island. Viipurin: Tuöväen kirjapaino», 1938) представляла авторский перевод произведения, изданного в России еще в 1916 году⁸³. «Финский» роман «Elää tai kuolaa?» («Жить или умирать?») был напечатан в Выборге в 1927 г. к 75-летию смерти известного ученого и писателя Матиаса Кастрена; в нем, по словам рецензента, «в вымышленной форме представлены сцены из исследовательских поездок М.А. Кастрена по северу России»⁸⁴. Этот роман был награжден Государственным советом Финляндии памятной медалью в честь независимости и провозглашения республики. Отметим, что критики, хотя и отмечали «нефинские выражения» в произведениях Пресса, тем не менее оценивали их благосклонно. В 1934 г. в Териоках роман о Кастрене был выпущен автором также и по-французски⁸⁵. А годом ранее появилось аналогичное издание, тоже на французском языке, «Nordenskiöld» — роман об исследователе Арктики, путешественнике Адольфе Эрике Норденшельде (1792–1866). В предисловии проскользнуло мимолетное воспоминание автора, что было характерно для его текстов: «En 1881 Nordenskiöld était à St. Pétersbourg. J'étais enfant encore, je l'ai vu passer sur l'escalier de mon gymnase, qui était situé au-dessus de la Société Géographique»⁸⁶.

Неосуществившийся перевод романа «Valloitus» («Завоевание», 1932) автор намеревался заказать в Японии и там же издать, но это не вызвало большого энтузиазма у корреспондента из Токио, чье письмо сохранилось в архиве писателя:

Что касается этого «романа», то, поскольку я могу судить, это просто пересказ знаменитых записок Головина, которые, между прочим, были переведены также на японский язык. <...> Японцы же не

⁸³ Пресс А.Г. Зеленый остров: (Путешествие Маклая к папуасам): Повесть. Пг.: Тип. бр. В. и Л. Линник, 1916.

⁸⁴ M.<arti> K.<overo>. Muuan kirja M.A. Castrenista // Uusi Suomi. 1927. 7 мая. № 104.

⁸⁵ Presas A. Vivre ou Mourir. Parmi les samoïèdes. Terijoki-Finlande: Terijoen Kirjapaino OY, 1934.

⁸⁶ Presas A. Nordenskiöld. Terijoki-Finlande: Terijoen Kirjapaino OY, 1933. P. 6. Пер.: «В 1881 году Норденшельд был в Петербурге. Я был еще ребенком и видел, как он проходил по лестнице моей гимназии, которая находилась над Географическим обществом» (франц.).

особенно любят вспоминать об этом эпизоде истории японо-русских отношений <...>

Повторяю, если г. Прессу важно лишь, чтобы его работа явилась на японском языке, безразлично, в каком переводе и где, то, может быть, какой-нибудь журнальчик и согласится напечатать ее, но никто не согласится переводить столь пространный труд даром или печатать его особым изданием, если за это не заплатят хорошо⁸⁷.

Упомянем также еще одно сочинение этого периода на французском, написанное в литературно-критическом жанре и посвященное французскому драматургу Эжену Бриё (1858–1932)⁸⁸.

В 1939 г., накануне Зимней войны, Прессы, как и другие жители приграничных поселков, подлежали эвакуации. По свидетельству писателя, во время этих событий были утрачены, то есть сожжены, его архив, библиотека и картины Германа и старшего сына Аркадия, вернувшегося к родителям после учебы в Париже. Пресс потерял семью, не зная о месте ее нахождения со 2 декабря 1939-го по 18 января 1940-го⁸⁹, и с этими обстоятельствами в дальнейшем настойчиво связывал болезнь и смерть жены (2 декабря 1940 г.). Отметим, что Прессы эвакуировались в декабре месяце, когда ситуация обострилась, так как задержавшиеся «переселенцы», к числу которых принадлежали и Прессы, вынуждены были присоединяться к беженцам, уже спасавшимся от начинавшихся военных действий. В этих условиях забрать с собой вещи, а тем более архив возможности не было.

Сын Герман, образ которого запечатлен в документальном повествовании «Граница», остался в Карелии, в Териоках, не покинув ее вместе с родителями. Последнее письмо к отцу, написанное им 21 мая 1941 г., пришло за два дня до начала Великой отечественной войны. Он сообщал, что все «здоровы и работа есть»⁹⁰. Поиски с тех пор пропавшего Германа, наведение официальных справок, велись вплоть до 1946 г. А.Г. Пресс адресовал письма и оставшимся в Советском Союзе своим знакомым, Т.Л. Щепкиной-Куперник,

⁸⁷ Письмо из Токио от 23 мая 1925 г., адресованное г. Рамстэду, судя по тексту, предлагавшему произведение писателя японскому адресату (КК. Sl. Ms. 87.3). В этот период Пресс также искал пути издания своих произведений и в Советском Союзе, в частности, обращаясь за помощью к В. Бонч-Бруевичу, с которым был знаком еще по работе в журнале «Нива». См. ответное письмо за подписью замдиректора Гослитмузея С.И. Аралова от 23 июля 1938 г. (КК. Sl. Ms. 87.2).

⁸⁸ *Presas A. Brieux. Portrait litteraire. Terijoki-Finlande: Terijoen Kirjapaino OY, 1930.*

⁸⁹ Это была нередкость при эвакуации, т. к. беженцев направляли в различные пункты приема; см., например, письмо А. Олиференко к А.Г. Прессу от 13 декабря 1939 г. (КК. Sl. Ms. 87).

⁹⁰ КК. Sl. Ms. 87.2.

и родственникам, Максу Штейнбергу, предполагая, что семья Германа «ушла» на Урал или в Сибирь⁹¹. Очевидно, что о трагической их судьбе он долгое время ничего не знал. Впоследствии старший сын, А.А. Пресс, безрезультатно в 1958 г. просивший советское гражданство, указывал в анкетах, что его брат погиб в блокаду, «при осаде Ленинграда»⁹². Однако на сегодняшний день известно, что Герман Пресс был репрессирован: «В 1941 г. Г.А. Пресас был арестован, признан “особо-опасным” и вскоре умер в тюремной больнице» [2, с. 160–161]. Вместе с ним погибла и вся его семья, чей «прах покоится в безвестных могилах Пискаревского и Серафимовского кладбищ» [3, с. 20]⁹³: сын Валентин Германович Пресас, родившейся в Териоках в 1930 г., и жена Ольга Ивановна Пресас (1893 – март 1942), урожденная Олиференко, выпускница Петроградского женского института⁹⁴.

В свой последний период жизни (1940–1952) А.Г. Пресс продолжал просветительскую и популяризаторскую литературную работу, в том числе на страницах финской печати.

В период войны он обратился к написанию мемуаров, оставшихся в основном своем массиве не опубликованными. Личные воспоминания, посвященные и обращенные к жене, М.В. Ильинской-Пресс объединены под названием «Книга любви». Воспоминания представляют собой фрагментарные, «спонтанные» записи о разных периодах жизни, без строгой последовательности и деления на хронологические этапы, с привлечением личных эпистолярных источников. Другой корпус текстов — это мемуары о встречах, общении, истории знакомств и контактов с представителями мира литературы, музыки, искусства. Часть из этих очерков посвящены дореволюционному периоду и объединены под заглавием «Писатели». Все они не раз цитировались в этой статье.

В послевоенное время он вновь усиленно налаживал связи с редакторами газет и издательствами, пытался «нащупать» запросы нынешнего читателя с демократическими взглядами, так и оставшегося его «целевой аудиторией» со времен 1890-х годов. Налаживал связь с советским ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи

⁹¹ КК. Sl. Ms. 87.3.

⁹² См. его анкету-заявление о приеме в гражданство СССР (КК. Sl. Ms. 87.28).

⁹³ Отметим, что в этой работе высказано предположение о возможной вербовке Г.А. Пресаса НКВД: «Люди семейные чаще поддавались на вербовку из-за страха за своих близких, которым могла грозить опасность (в частности Г. Пресас <...>» [3, с. 9].

⁹⁴ «Она нелегально бежала из Петрограда в 1921 г., жила в Келломяках, пока с мужем не пересела в Терийоки, где стала членом Вреденского благотворительного комитета» [2, с. 161].

с заграницей), через которое еще в 1938 г. намеревался договориться об издании своих текстов в СССР и вновь вернулся к тому же вопросу, поддерживая переписку в 1946 г. с начальником этой организации С. Истоминым.

* * *

Ниже приводятся фрагменты из «романа» А.Г. Пресса «Граница» (1931–1942). В нем, как уже говорилось, описаны события 1918 года.

Первоначально автор предполагал издать этот текст на французском языке под названием «La Frontier. Sans famille» («Граница. Без семьи»). Подзаголовок (или вариант названия), вероятно, отсылал к одноименному роману известного французского писателя Гектора Мало (1878) о драматической истории мальчика, потерявшего и вновь обретшего семью. Мотив «потери семьи» в революционных и военных обстоятельствах в произведении Пресса являлся основным, что подчеркивается и в пацифистском послесловии к французскому тексту, отсутствующему в русском варианте, под названием «Quelques pensées» («Несколько мыслей»), датированном 2 августа 1931 г. В этом тексте была в том числе собрана коллекция коротких сюжетов о разлученных во время войн семьях:

Dans cette geurre mondiale hors les milliers et les milliers de jeunes vies tuées pour rien, il y a ou encore des milliers de familles brisées pour toujours, des milliers d'enfants, que ont perdu leurs parents, des milliers de parents, qui ont perdu leur enfants.

Plusieurs années après la guerre dans tous les pays on lisait, les annonces des membres de famille séparés, égarés dispersas, quise chercchainet dans ce triste monde...⁹⁵

Французский текст он начал писать в 1931 г., т. е. на фоне создания «иноязычных» небольших по объему биографических романов-путешествий. В этом смысле внимания заслуживает и короткая комедия «Torikori» («Корзинка с рынка», 1938), где были своеобразно «перелицованы» трагические события, которые А.Г. Прессу

⁹⁵ *Presas Arkadius*. La Frontier. Sans famille (КК. Sl. Ms. 87.15 Л. 190). Пер.: «В этой мировой войне, помимо тысяч и тысяч молодых жизней, убитых ни за что, есть еще тысячи семей, разрушенных навсегда, тысячи детей, потерявших родителей, тысячи родителей, потерявших своих детей. Спустя несколько лет после войны во всех странах можно было прочтать объявления о разлученных, потерянных и разбросанных членах семей, которые искали друг друга в этом печальном мире...» (*франц.*).

пришлось переживать в собственной биографии. Рецензент комедии следующим образом излагал ее сюжет:

Sen juonena ovat Elias Lönnrotin⁹⁶ Raja-Karjalassa kokemat passintarkastusvaikeudet hänen v. 1841 tekemällään matkalla, jolta hänen oli virheellisen passin vuoksi palattava takaisin tyhjin toimin. Juonen ympärille kutoutuu Veskelyskylän ja Petroskoin sikäläisten olojen kuvailua koomillisine tilanteineen. Tekijän esityksestä saa elävän kuvan silloisen venäläisen virkavallan mädännäisyydestä rajantakaissa Karjalassa ja olojen takapajuisuudesta. Samalla ilmenee näytelmän lopussa olevista ajatuksista luja luottamus Karjalan tulevaisuuteen⁹⁷.

Жанр «Границы», обозначенный во французском варианте как «souvenirs» далее автор поменял на «роман». А. Пресс планировал издать его в Париже: «О нашей разлуке 1918 г. я написал роман “Граница”²⁹⁸ “Застава”, по-французски назывался прежде “La famille”. Michel Albin⁹⁹ в Париже отказался это издавать...»¹⁰⁰. Французское издание не только расширило бы читательскую аудиторию, но, видимо, позволило бы автору и более свободно трактовать события тех лет, если учесть, что текст содержал критику немецкой и шведской администрации периода гражданской войны и революции, а также сюжеты жестокого поведения белофиннов. Отметим, что в это время в финской печати писатель снискал себе устойчивую репутацию «преданного друга, влюбленного в Финляндию».

Окончательная дата, проставленная под обоими вариантами, — 1942 год, т. е. «роман» завершался на фоне новой войны, после драматических событий 1939 г., «потери семьи» во время эвакуации, смерти жены и исчезновения сына. В своем произведении, первоначально имевшим подзаголовок «Дневник мирного жителя», писатель задним числом, пользуясь сохранившейся перепиской и, вероятно,

⁹⁶ Элиас Лённрот (1802–1884) — финский писатель, фольклорист, создатель карело-финского эпоса «Калевала».

⁹⁷ М. К-о < Marti Kovero >. Näytelmäkirjallisuutta // Uusi Suomi. 1938. № 300. Пер.: «Ее сюжет посвящен трудностям паспортного контроля Элиаса Лённрота в приграничной Карелии в его годы. Из поездки, которую он совершил в 1841 году, ему пришлось вернуться ни с чем из-за недействительного паспорта. Сюжет построен вокруг описаний условий жизни в Вескелюсюля и Петрозаводске, с комическими ситуациями. Изложение автора дает яркую картину гнилости русской бюрократии того времени в приграничном регионе» (фин.).

⁹⁸ В приведенном фрагменте это название было зачеркнуто, что встречалось и в других его записях. Очевидно, автор колебался в выборе заголовка.

⁹⁹ Знаменитое французское издательство, основанное Мишелем Альбеном и до сих пор существующее в Париже.

¹⁰⁰ Пресс А. Книга любви. Л. 126.

позднее утраченными дневниковыми записями, восстановил день за днем собственную историю, начиная с попыток получить разрешения на проезд в Финляндию и заканчивая нелегальным переходом финской границы. На той стороне, как уже говорилось выше, «перебежчиков», автора и его сына Германа, задерживают, подозревая в шпионаже и, после многочисленных допросов, обманом отправляют обратно в Советскую Россию, под видом транспортировки на карантин в Териоки. Беженские сюжеты вскоре станут важной темой русской эмиграции, а частные свидетельства, оставленные в мемуарной литературе, сохранят многие подробности этого исхода. Роман А.Г. Пресса органично занимает свое место в этом контексте. В нем, помимо реалий, связанных с основным сюжетом, «мелькают» образы советских и иностранных чиновников времен красного террора, местных жителей бывших курортных районов, дачевладельцев, финских торговцев, молочниц, сторожей, крестьян. Зачастую события разворачиваются вокруг пограничной станции Белоостров. Автор, надолго став ее заложником, передает приграничную атмосферу весны-лета 1918 года.

Само название «Граница» несет на себе груз современных автору коннотаций¹⁰¹. Отметим, что уже возникавший в творчестве писателя мотив «границы» был связан в его ранней прозе с чертой оседлости и с проблемой антисемитизма. Характерны и ностальгические мотивы отчуждения знакомой географии — одно из значимых переживаний автора, связанное с сентиментальными воспоминаниями о дореволюционной патриархальной Финляндии. Так, например, символичен эпизод, где автор, заключенный в полицейском участке (шведская/немецкая комендатура), расположенном в старой даче, обнаруживает обрывки своей дореволюционной статьи, посвященной финским писателям: «Я нахожу на полу в мусоре разорванный номер “Нивы” с моей статьей о финской литературе. Я старался когда-то внушить русским любовь к красоте Финляндии и справедливости и честности финского народа. Вот моя работа — в грязи запачканная и разорванная сапогами немецких солдат... И я сам нахожу ее тут... Что за насмешка судьбы!»¹⁰².

Как и в своей дореволюционной прозе, автор «воспроизводит» свои и чужие разговоры, предпочитая эту форму наррации и стремясь сохранить в тексте «необработанный» взгляд очевидца, изображающего крушение мира через мелкие детали. В подобной форме

¹⁰¹ О трансформации понятий «границы», «своего» и «чужого», в особенности у беженцев в Финляндию, см., в частности: [6, с. 3–7].

¹⁰² *Пресс А. Граница* (КК. Sl. Ms. 87.7. Ll. 50).

Пресс усматривал традицию французской прозы. Размышления об этом присутствуют в его воспоминаниях, посвященных Кисемскому, второстепенному писателю второй половины XIX в. и другу литератора А.Н. Цехановича (1862–1896), автора романа «Петербургская Нана» (1894), снискавшего в свое время популярность.

На мой вопрос, как он пишет, Кисемский мне раз ответил: — Я пишу сплошь разговорами! Описаний у меня почти нет, только диалог и реплики! — Это же театр! — заметил я с удивлением. — Нет! — воскликнул он — Именно не театр! В театре автора нет, а у меня роман, и я сам все время участвую в картине! — Это же еще хуже! Это — резонер в пьесе! — Ай, нет! Вы не понимаете! Резонера совсем нет! Но я сам живое, действующее лицо романа! Мои мысли, мои слова освещают картину!... Я все-таки не вполне его понял, но несомненно в его письме было нечто новое для нас! — Кисемский был, по-видимому, прав — я встретил впоследствии такую форму у французов — у Мюссе, «Un souper chez Rachel»¹⁰³, у Поля Лаведана, «Vieux Jeu»¹⁰⁴, у Абеля Хермана (Herman), «Les transatlantiques»¹⁰⁵.

¹⁰³ «Ужин с Рашель» (франц.). Имеется в виду принадлежащий перу А. де Мюссе квази-документальный диалог, спонтанно возникший во время ужина с легендарной французской драматической актрисой (1839).

¹⁰⁴ Возможно, подразумевается роман «Le jeu nouveau» (1898) французского писателя Henri Lavedan (1859–1940).

¹⁰⁵ Роман (1897) французского писателя и драматурга Hermant Antoine Joseph Abel (1862–1950).

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. ПРЕСС. Граница. (Фрагменты)

1918. — Петроград. 20 апреля

<...> Финляндский вокзал похож на развалину — стекла в окнах выбиты, стены запачканы, буфет совершенно пуст, двери заставлены, один только выход и два солдата с ружьями охраняют его. Люди, однако, проходят. Билетная касса закрыта. Агент из ЧеКа кричит, пробегая: «Ступайте к коменданту!». Все бросаются туда. Один только вагон стоит на рельсах. Это — салон-вагон быв<шего> генерал-губернатора Финляндии. Я влез в него первым. Комендант молодой унтер-офицер, на кожаном диване за столом, среди двух агентов, подписывает груды бумаг. — Что вам надо? — спрашивает он меня удивленно. — Я хочу ехать в Канерву! — Куда? — Канерву! — Финляндию? — Ну да! — Что вы, с ума сошли? Что ли? — Как? — А так! Разве вы не знаете, что граница закрыта! — Почему? — спросил я ошеломленный. — Почему? Это вас не касается! — Как меня не касается! У меня жена и дети там. — Тем хуже для вас! Я ничего не знаю! — Но мне сказали, что нужно ваше разрешение! — Да что вы привязались! Кто вы такой? — Я из Наркомпроса. Вот мои документы! Паспорт и пропуск! — Хорошо, товарищ, — сказал комендант, посмотрев подписи и печати — Но я ничего для вас не могу сделать! — Дайте мне все-таки разрешение! — Да куда вам мое разрешение! Что вы такое говорите! — воскликнул он. — Я же вам повторяю — граница закрыта! Финляндии больше для нас не существует! — Господа! Что же делать? — Я чувствую, что бледнею. Комендант смотрит на меня молча с минуту — затем берет у меня мои бумаги и на пропуске делает пером какой-то крючковатый знак — Приходите через два дня! — говорит он уже спокойным тоном. — Пойдет поезд а Белоостров, товарищ Геншель там поможет вам пройти границу. — Я выхожу из вагона, еле держусь на ногах. Меня окружает целая толпа. — Что он сказал? — Поезд пойдет послезавтра! — Куда? — У меня а руках бумага. Ближние рассматривают подпись. — Белоостров! — говорит какой-то господин а серой кепке. Все сразу отшатнулись от меня с досадой. — Конец Финляндии! — раздались голоса. Женщины стали креститься. Все-таки не все еще верили, не хотели расходиться, лезли в вагон. Солдат, охранявший вагон, закричал во все горло: — Прочь! Осади назад! — Я ушел с тоской. Я еще не мог сразу освоить всю глубину

поразившего меня несчастья... Но словно какое тяжелое предчувствие сдавило мое сердце. Словно серый туман застилал мне глаза... Вокзал показался мрачным... черным... Два голубя ворковали над крышей. Я поднял голову, они вдруг улетели и пропали в голубом небе... — Ах! Господи, Боже ты мой! Если б я только мог улететь с ними! ...

28 апреля

Послезавтра поезд не пошел, в следующие дни тоже. Прошла так целая неделя. Между тем в город стали собираться беглецы из Финляндии. Усталые и замученные они имели жалкий вид. Они умирали с голоду. Мужчины, женщины и дети прибегали с границы, прячась по несколько дней в лесах. Рассказывали ужасы. Гражданская война, вспыхнувшая на западе и севере Финляндии, едва замечалась в остальной стране. Только сахар и масло стали раздавать по карточкам, но это не из-за красных. На Финляндском вокзале в Петрограде, говорили, был спрятан арсенал оружия, которое посылали восставшим в запломбированных вагонах. — Иногда проносился по рельсам странный паровоз, серый и бронированный с русской надписью «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Но финны не читали по-русски. Затем в один прекрасный день все белые исчезли из пограничных деревень и местечек. Однако вот что произошло за несколько дней моего отсутствия. В этот самый вечер, как я уехал из дому, — распространился слух, что немцы и шведы под командой бывшего русского полковника отбросили красные войска и гнали их на восток — дрались уже под Выборгом. Паника охватила жителей. Поезд, отправленный на следующий день, был последний, шедший за границу... Он был набит семьями красных, спасавшихся из Финляндии. Люди сидели на крышах вагонов, цеплялись на буферах. Ночью началась канонада. То было 23-е апреля. Воздух был чист и прозрачен. Бледная полная луна поднялась над лесом. Белые появились на горах, красные бежали по берегу моря — дрались ожесточенно на полотне железной дороги. Новая станция в Териоках была разбита и [пожжена], груда убитых в Куоккале, станция Оллила у границы сгорела дотла. Все полотно попало в руки белых. Дорога была отрезана. — Красные, спасаясь, бросились на лед, к Лисьему носу на русскую сторону, но лед был уже слаб и лопнул. Сотни людей потонуло. Было страшно глядеть. Других убивали пули белых. — Теперь, — сказал рыбак-финн, который сообщил мне все это, — разыскивают по лесам остатки красных и расстреливают их без пощады!.. Я слушал все это как

во сне, словно в кошмаре... — А что же с жителями стало? — Я не знаю, — ответил он, — говорят, их тоже расстреливают — и финнов, и русских... стреляют всех, кто не белый. В Териоках расстреляли учительницу русской школы... а в Келломяках даже пастор два дня лежал спрятанным под кроватью!... — Келломяки! Это же рядом с Канервой! Было сражение а Келломяках? — Не знаю!... Вероятно, было!... — Ой! — Я прямо обезумел... Я побежал со всех ног к Военкому... узнать правду... Но разве мне скажут правду?!

30 апреля

Я провел ночь в крайнем беспокойстве... Я ничего еще не узнал... Каждое утро я еду на вокзал и беседую там со всеми, но люди говорят мало... Жизнь словно остановилась, публики вообще мало, и те, кто еще приходят, как я, имеют удрученный вид... Впрочем, никто ничего толком не знает... <...> Я собрал еще несколько слухов. — В Куоккале дрались два дня. Пакгауз на станции был полон трупов. Убитые лежали на всех дорогах... Рядом с окровавленными телами сидели немецкие солдаты, приводя в порядок свой туалет, причесывались и гляделись в карманные зеркала... Беглецы, бледные и голодные, протягивали руки под окнами домов, прося есть, и когда женщины давали им несколько картошек или корку хлеба, они убегали в лес, не сказав спасибо... выстрелы⁸ еще звучали со всех сторон — расстреливали беглецов в оврагах... <...>

2 мая

Я сегодня был на границе. — Наконец мой поезд пошел, совсем маленький поезд — всего два или три вагона, полные солдат и агентов ЧеКа.

Из окна видна грустная картина — красивые и некогда веселые дачи и домики превращены в руины — окна выбиты, двери высажены, доски вырваны со стен... но весна ласкает уже зелень берез, ручьи блещут а траве, жаворонок поет... Солнце залило вагон... Беспокойство гложет мое сердце, но вдруг наступает минута передышки — мир природы будто смягчает мою боль... Мне кажется, что ничто не изменилось, что я спокойно возвращаюсь к себе домой, в любимую Финляндию... и я дышу легко... и я живу... Сон этот быстро проходит, но смутное чувство приближения к семье остается еще во мне... и волнует меня глубоко. Приехав в Белоостров, я бегу к коменданту. — Он наверху, на втором этаже в крошечной комнате — какой-то угол комнаты — за столом офицер лет 30-ти, щегольски одетый и гладко выбритый, интеллигентного вида, поет весело

по-немецки: «Du hast Diamanten und Perlen!» («У тебя бриллианты и перлы»). — Перед ним маленькая женщина в черном горько плачет: — Но пустите же меня к мужу! — говорит она. — Вы же знаете, сударыня, я не правитель Финляндии! — Но как же я буду жить без моих детей!.. — Женщина уходит, продолжая плакать.

Я обращаюсь к коменданту в свою очередь. — Вы товарищ Геншель? — Я! — Я рассказываю мое дело и представляю документы. — Он улыбается и гладит себе подбородок. — Хорошо! — говорит он. — Ну что же вы хотите? — Я хочу, чтоб вы помогли мне пройти через границу! — С удовольствием, — отвечает он веселым тоном. — Я представлю вас шведскому коменданту! — Благодарю вас! — воскликнул я. — Только видите, — продолжал он, — сегодня уже поздно!.. Невозможно разговаривать с ними! Мост будет закрыт весь день! Завтра тоже! Ну приходите так... через два дня! — Спасибо!

Я кланяюсь и ухожу, но комендант останавливает меня: — Я забыл вам сказать, — говорит мне, — чтоб пройти границу, надо иметь еще один документ — специальное разрешение от Комиссариата, где вы служите. И затем пусть поставит дату: «Май месяц!» Не забудьте!

Я ухожу. Комендант Геншель поет опять чуть насмешливым голосом: «Im Wandersihönen Monat Mai!» — «В чудном месяце Мае!». Господин в серой кепке и еще несколько человек поднимаются по лестнице. Полная тишина на станции — ни поезда, ни пассажиров, ничего... Разбитый фонарь... пулей... Тут, вероятно, дрались в Октябрьскую революцию... В буфете... но это только тень буфета... Чекисты и один стражник пьют чай с леденцами вместо сахару. В проходе курьезное объявление в раме, извлеченное, видимо, из жандармского управления: «Секретно! Всем пограничным агентам полиции и жандармам Финляндии строгий приказ охранять реку и принять все возможные меры, чтоб известный и весьма опасный политический деятель Александр Керенский не прошел через границу и не проник в пределы Российской Империи. — Означенный Керенский переходил уже границу много раз и занят открытой пропагандой против Императорского Правительства». — Подпись: «Помощник Начальника Жандармов» и т. д. — Какой странный документ! Он пережил Керенского на станции Белоостров. Кто теперь думает о Керенском!

Прежде чем вернуться в город, я пошел посмотреть мост. Граница — узкая речка «Сестра-река» по-русски, по-фински — «Райайоки» (пограничная) — всего каких-нибудь 30 шагов в ширину. <...> Два моста — жел<елезно>дорож<ный> наверху, другой для возов и пешеходов внизу. Оба пути на мостах загорожены — рельсы подняты

кверху — и на обоих мостах — словно гигантский еж из колючей проволоки. Маленький финский часовой с белой повязкой на левой руке стоит на берегу реки. <...>

15 мая

Застава спущена... Путники в зимних платьях, несмотря на жар и яркое солнце, ждут уже долго.... — Приготовьте ваши документы! — говорит мне тихо господин в сером костюме и шерстяных чулках. — Вы пойдете первым! — Не знаю! — отвечаю я также тихо. — У меня нет специальной рекомендации!¹⁰ — У меня есть, — говорит он, — от шведского консула! <...> Комендант Геншель разговаривает посредине моста со шведским офицером. Он говорит по-немецки <...> Я сделал несколько шагов, чтобы подойти к шведу, но вдруг позади меня раздался пронзительный крик. Какая-то женщина кричала по-русски <...>. Раздались еще крики. Сыщик в гороховом пальто, с саквояжем в руках кричит громче всех. — Товарищ Геншель стремительно бежит к мосту. <...> Заставу с русской стороны тотчас спустили. Я едва успел выскочить. Финны выкатывают железного ежа на мост. Застава финская тоже закрыта...

17 мая

Я снова в Белоострове. Надо же выяснить дело — можно ли пройти границу или нет. Подымаюсь по лестнице, как обыкновенно. Дверь к коменданту закрыта на ключ. <...> В буфете, который почти так же пуст, как в городе, прислуга-финка ничего не знает. Несколько агентов и стражников пробегают по станции. Когда их спрашивают, они молчат, словно не слышат, или отвечают неопределенными жестами... Я иду на границу. У моста железнодорожный сторож, карел, спокойно стирает белье в речке. — Где комендант? — спрашиваю я. — А чорт его знает, твоего коменданта! Он показывает мне кирпичную казарму на конце березовой аллеи. — Все черти там собрались! Верно и он там! Ступай! Комендант действительно там, но солдат у дверей меня не пропускает — У них собрание товарищей... — Подожди на станции! — говорит солдат, — через полчаса придет! — Он не пришел через полчаса, не пришел и через два часа. А поезд уже собрали — скоро надо ехать. — Впрочем, теперь поздно, — говорит маленькая модистка. — Сегодня уж не подымут заставы!.. Пришла женщина, что третьего дня устроила скандал и сорвала переговоры на мосту, и с нею сыщик в гороховом пальто... Они служат на таможене. Оба глядят на нас насмешливыми глазами... Ничего сейчас не поделаешь!.. Я поднимаюсь в вагон с омраченным духом...

18 мая

Станция Белоостров словно спит. Товарищ Геншель все в отсутствии. На сей раз его вызвали в Петроград по важному делу... Я обращаюсь к его помощнику. Худощавый, сухой офицер немецкого вида... — Я ничего не могу сделать без приказа коменданта! — говорит он. — Кроме того, финны не разговаривают со мной! — Что же делать?

25 мая

Наконец я его поймал, товарища Геншеля... Он сидит у себя за столом. — А! Это вы? — говорит он своим веселым тоном, словно ничего не произошло. — Однако, — сказал я с упреком, — вы же мне обещали провести меня через границу! — Ну да! С удовольствием! Но вы видали сами... <...> — Во всяком случае вот вам мое разрешение! — Я подаю ему кусок бумаги с печатями Комиссариата и подписью Наркома. Товарищ Геншель прочитывает все внимательно, затем говорит с большим удивлением: — Вам дали это? — Ну да! А почему вы спрашиваете? — Теперь никому больше не дают разрешений! — Но это хорошо! Очень хорошо! — Так этого достаточно? — В данную минуту достаточно, конечно! Но, видите ли, в ваше отсутствие я получил другой циркуляр... от военкома¹¹. Границу нельзя пройти без военкома!.. — Боже ты мой, значит еще разрешение от военкома? Комендант смеется... — Но ведь так будет без конца! Вот уж май проходит! Комендант смотрит на меня круглыми насмешливыми глазами, потом начинает петь по-немецки «Im Wandersihönen Monat Mai!» — («В чудный месяц Май!»...)

26 мая

В коридоре Комиссариата я встретил сегодня тов. Бонч-Бруевич и тов. Ульянову¹². Они шли, держа друг дружку под руку. — Вы не пошлете своих детей, — говорит мне Бонч-Бруевич, — в Детское село к тов. Луначарской?¹³ — А зачем? — На каникулы! Там очень хорошо! Луначарская устроила образцовый интернат, говорят, в помещении великих князей... во дворце бывшего императора... Я послала туда свою дочь и очень довольна... — Спасибо! Но, сказать по правде, я небольшой поклонник интернатов... а затем у меня больше нет моих детей... — Как? — Они остались в Финляндии и меня не пускают через границу!.. Что вы! — Вот уже целый месяц нет писем от моей семьи... ни одного слова... Я не знаю даже, что с ними случилось... Они остались без денег... Я не знаю, что мне делать!.. Вдруг силы меня покинули... Я горько стал

плакать... — Ай! Что вы! Не падайте духом! — сказала Бонч-Бруевич с волнением — Откроют же границу... Вы скоро пройдете!.. Не плачьте так! Не убивайтесь!..

1 июня

Я провел ужасный вечер. Сыновья мои — воспитанники Академии художеств — сказали мне вчера: — Знаешь, мы нашли лососину! — После того, как мы ели собак и кошек — я никак не ожидал услышать про лососину. Это все равно, как сказать тогда про белую булку!.. — Каким же это способом? — Ака¹⁴ достал лодку на Петровском острове, и мы поедem на взморье! — Один наш товарищ там поймал уже лосося! За Крестовским! — Но там опасно! Течение сильное! — Будь спокоен! Мы поплывем тихонько! Они уехали рано утром... Уже наступал вечер — их еще не было дома... Я был вне себя... Я испытывал муки ада... Я упрекал себя горько, зачем я их отпустил... — Все это голод! Ни о чем не думаешь толком! Голова кругом идет! — Ох! Белые наши весенние ночи! <...> Но когда сердце сдавлено, можно умереть от печали... Этот белый свет усиливает беспокойство... Я ходил один по комнате, я лежал на всех кроватях, я прислушивался к каждому звуку, каждому шороху... Я не мог больше ни жить, ни думать... Наконец в час ночи они вернулись... <...> Они целый день провели на острове, из камышей выгнали шмонку, на которой какой-то татарин с молодой девушкой чуть не были унесены течением... Обедали на траве под ивами среди цветов... Был суп и кусок конины, который дал татарин... Был также хлеб и соль... А из-за течения невозможно было раньше приехать... Лосося не поймали, но привезли двух щук и букет белых кувшинок. <...>

7 июня

Второй сын мой поехал осматривать границу. Он прошел пешком по Левашову, чтоб поговорить с крестьянами и узнать, что происходит в деревнях. Земля перерезана траншеями и обтянута колючей проволокой, всюду солдаты... Но карельские солдаты рассказывают, что границу проходят по обе стороны от Белоострова! Направо от заставы пройти легче, так как воды там меньше и другой берег не так обрывист...

10 июня

... Решено — мы перейдем сами границу — совсем просто — пешком... Мы пойдем вдвоем — я с Гермашей... Ака останется дома ждать известий от нас... Я сказал дворничихе, что мы едем на дачу,

как обыкновенно. — Разве границу открыли? — Да, говорят, можно пройти!.. <...> У нас только маленький саквояж, чтоб не возбуждать подозрений. — На вокзале все по-старому — только разменная касса открыта — продают финские деньги. — Я сейчас же меняю все, что на мне, т. е. несколько сот рублей, и весело сосчитываю изящные финские розовые марки — Они выпущены белыми, — говорит кассирша. — «Красные» бумажки объявлены Финским банком недействительными. Вот вам номера! — Она дает мне листок с написанными карандашом номерами <...> Не покупайте выше этих номеров! <...> Приехав в Белоостров, мы прогуливаемся некоторое время по станции, затем отдыхаем на скамейке, словно ждем коменданта. Никто не обращает на нас никакого внимания, ни агенты, ни солдаты, ни таможенники. Меня хорошо знают — привыкли видеть меня на этом месте. — Наконец поездная прислуга уходит, пассажиры поднимаются к коменданту, агенты пьют чай в буфете — мы тихонько встаем и идем задумчиво к реке... Дорога поворачивает... Мы проходим казарму, школу, красные домики с разбитыми окнами... Нищий в лохмотьях проходит, не глядя на нас, затем тощая корова... Мы уже в деревне... вскоре совсем спрятаны в густой зелени прибрежных кустов. Это дает нам иллюзию свободы... <...> Но стало жарко... Птицы едва свищут... Мы тепло одеты по-зимнему, в тяжелых драповых пальто — наше летнее платье всё осталось в Финляндии. <...> Мы закусываем второпях в маленьком лесу, сидя на свежем мхе под соснами, мы жуем сухую воблу из столовки... Затем мы снова шагаем — нельзя терять времени на отдых. Я хорошо знаю местность, где можно пройти реку в брод. Поток делает извилину, и воды там по колено, но до этого места еще пятнадцать километров... Местность совершенно пустынна, не видать ни души... <...> Жарко, словно среди лета... — более 20°, наверное. — Наше суконное платье тянет к земле, как камень... Мы останавливаемся на каждом шагу, чтоб обтереть пот со лба и с лица... <...> жажда начинает нас мучить после соленой воблы... Это еще хуже, чем жара... <...> Граница, по-видимому, совсем не охраняется!.. Но в эту же минуты мы слышим отдаленные крики... Дорога свернула... Мы на широком шоссе... вскоре целый взвод русских солдат на лошадях проскакал галопом перед нами. Мы повернули налево. Показались домики по обеим сторонам шоссе. Все слышны голоса... Солдаты на лошадях и пешие встречаются на каждом шагу¹⁵. — Это дорога опасна, — говорю я сыну. — Нас в конце концов арестуют! Зайдем в дом.

Мы входим в первый попавшийся садик. Маленькая женщина, финка идет нам навстречу. — Нет ли у вас молока? — спрашивает мой сын. — Мы умираем от жажды! Женщина приносит нам тотчас большую крынку молока и две кружки. Мы садимся на камни в зелень акации и жадно пьем свежее молоко. — Вы из города? — спрашивает финка. — Да! Она приносит нам еще крынку. — Молока у нас довольно! — говорит она тихо — Хлеба то нет! — Как повсюду! — Мы платим ей за молоко очень недорого... Она честная женщина, и мы сидим еще несколько минут, пока всадники не ускачут подальше и пыль не уляжется на дороге... — А куда вы теперь идете? — спрашивает финка. — У нее такой прямой вид и глаза такие добрые, что я отвечаю просто: — В Лютахенту! (Luutahäntä). Она вытаращила глаза от удивления. — Что! В Финляндию? — Да! На финскую сторону! А отсюда далеко до Лютахенты? — Это не так далеко! Километров десять будет... только не ходите по шоссе... тут слишком много народу! — А куда надо идти? Она подводит нас к забору и показывает нам пальцем поворот шоссе, который пропадает вдаль. — Выходя из деревни, вы увидите красный домик... Повернитесь сейчас налево и идите по тропинке в кусты — она приведет вас к реке, только не подходите к самому берегу... <...>

Наш проводник все время идет, скрестив руки позади, наконец он останавливается и говорит тихо: — Ну вот, пришли! Приготовьтесь теперь! — Я даю ему деньги. Затем мы подтягиваем подтяжки, которые висят на наших исхудавших плечах, застегиваем пальто. Проводник раздвигает кусты, пропускает нас вперед! Сам остается сзади. Мы в двух шагах от воды... <...>

В одно мгновение я спускаюсь в воду... до бедер — и иду прямо вперед. Но поток так силен, что я чувствую меня относит... Надо делать усилия, чтобы не упасть... Сын мой идет за мной... Я держу свой сак высоко над водой... Пальто тянет меня вниз, как камень... Вода поднимается... до пояса... до груди... Когда мы дошли до середины реки, сын мой Герман говорит мне совершенно спокойным голосом: — Часовой! <...>

Текст печатается по подлиннику, хранящемуся в Собрании рукописей Национальной библиотеки Финляндии (Sl. Ms. 87. 7).

¹ Последним генерал-губернатором Великого княжества Финляндского был Николай Виссарионович Некрасов (1879–1940) — кадет, министр Временного правительства, позднее репрессирован и расстрелян. Занимал эту должность с 4 сентября по 25 октября 1917 г.

² Ср.: «Одним из существенно провоцирующих факторов, способствующих развитию революционной ситуации в Финляндии, стал поезд, отправившийся из Петрограда в Тампере в конце января 1918 г. Он вез “подарок” Ленина финским трудящимся — около 15 тысяч винтовок и иное военное снаряжение. Красногвардейцы выставили вдоль пути следования свои посты для охраны состава, а шококоровцы на Карельском перешейке — для его остановки» [8, с. 99].

³ Имеется в виду дача в Канерве.

⁴ Барон Карл Густав Эмиль Маннергейм (1867–1951) с января 1918 г. был назначен главнокомандующим финляндской армии, а 26 апреля (т. е. за два дня до приведенной автором записи) в ходе боев между «красными» и «белыми» занял Выборг.

⁵ Бои в Выборге велись с января 1918 г., финским «красным» оказывали помощь русские красногвардейцы и анархисты. Завершение гражданской войны на Карельском перешейке относят к 15 мая 1918 г. и связывают с взятием руин форта Ино. Ср.: «В последние дни гражданской войны в Финляндии все мосты, ведущие через границу, были подорваны. Главным действующим переходом служил погранпункт Раййоки, расположенный напротив железнодорожной станции Белоостров» [3, с. 83–84].

⁶ Строительство нового вокзала и станции в Териоках было закончено к декабрю 1917 г. Речь, видимо, идет именно о станции. Вокзал значительно пострадал в Зимнюю, а затем практически был разрушен во Вторую мировую войну. См. об этом: [4, с. 10–11].

⁷ Во фрагменте упоминаются курортные поселки: Тетijöki (Зеленогорск), Kuokkala (Репино), Ollila (Солнечное).

⁸ Отметим, что «белый террор» в Финляндии в 1918 г. с натуралистическими подробностями освещался в советских газетах, что имело свои пропагандистские цели в создании образа «врагов революции». Возможно, советская публицистика повлияла и на военные картины, изображаемые Прессом, которые он, по собственному свидетельству, записывал по слухам.

⁹ В Иностранном отделе Комиссариата внутренних дел Петроградской трудовой коммуны выдавались пропуска, необходимые при пересечении границы до победы в гражданской войне белофиннов.

¹⁰ Имеется в виду «доказательства необходимости выезда за границу», «подтвержденные различными организациями», что, как правило, было необходимо при получении заграничных паспортов, декрет о которых вышел 15 мая 1918 г. [10, с. 39].

¹¹ Н.Е. Врангель, в том же году готовясь к побегу, вспоминал: «Куда ни обращались, всегда оказывалось, что со вчерашнего дня право на выезд дает другое учреждение» [5, с. 387].

¹² Жена В.Д. Бонч-Бруевича Вера Михайловна Величина (1868–1918) и сестра Ленина Мария Ильинична Ульянова (1878–1937).

¹³ Первая жена наркома просвещения Анна Александровна Луначарская (ур. Малиновская; 1883–1959).

¹⁴ Речь идет о втором сыне Аркадии Аркадьевиче Прессе (1892–1969) — художнике, скульптуре, в это время обучавшемся в Академии художеств.

¹⁵ Вероятно, в этом эпизоде запечатлен вывод русских войск из Финляндии, который должен был осуществиться по мирному договору, заключенному между Германией и Советской Россией в марте 1918 г. На Карельском перешейке этот процесс продолжался вплоть до осени.

Литература

1. Агафонова В. Литовское семилетие Аркадия Бухова // Вильнюс. 1993. № 11 (130). С. 174–178.
2. Базанов П.Н. Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939 гг.). СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2015. 183 с.
3. Балашов Е. Терийокские пленники, 1939–1940. 2-е изд. СПб.: Гйоль, 2021. 196 с.
4. Браво А., Травина Е. Зеленогорск. Терийоки: дачная жизнь сто лет назад. СПб.: Центр сохранения культурного наследия, 2022. 320 с.
5. Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков / вступ. статья, коммент. и подг. текста А. Зейде. М.: НЛЮ, 2003. 506 с.
6. Демидова О.Р. Из России в Финляндию: Граница как экзистенциальная катастрофа // Российское зарубежье в Финляндии: Между двумя мировыми войнами: сб. научных трудов. СПб.: Сударыня, 2004. С. 3–7.
7. Егоров И.В. От монархии к Октябрю. Л.: Лениздат, 1980. 272 с.
8. Невалайнен П. Исход: Финская эмиграция из России 1917–1939 / авториз. пер. с финн. Майю Леппя. СПб.: Коло, 2005. 448 с.
9. Пресс А.Г. Стружки. СПб.: Артистическое заведение т-ва А.Ф. Маркс, 1908. 248 с.
10. Рупасов А., Чистиков А. Советско-финляндская граница. СПб.: Европейский дом, 2007. 222 с.
11. Травина Е. Комарово / Kellomäki. Морская сторона. Книга-путеводитель. (Дачная жизнь сто лет назад). СПб.: Центр сохранения культурного наследия, 2022. 256 с.
12. Яковлева Н.А. Финская дача в творчестве и биографии А.Г. Пресса // Опыт и небывалое в литературе и культуре / Experience and Non-Existence in Literature and Culture. Tartu: University of Tartu Press, 2022. С. 144–156.

Research Article and Publication of Archival Documents

From a Collegiate Secretary to a Soviet Emigrant: The Fate of the Writer Arkady Press and His Novel *The Border*

© 2025. Natalia A. Iakovleva
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article is devoted to the description of the life path and characteristics of the creative work of the forgotten writer, Arkady Germanovich Press (1870–1952), who actively appeared in the St. Petersburg-Petrograd press with stories, novellas, translations, popular science essays, and reviews. He contributed to the journals *Niva*, *Zhivopisnoye Obozreniye*, *Zadushevnoye Slovo*, and others, compiled textbooks on literature and law, and a series of small collections, *Public Philosophy as Presented by Arkady Press*, published by Soikin (Hobbes, Descartes,

Hegel, Kand, and others). Press finished his pre-revolutionary career in the Senate's legal department with the rank of court councilor. After 1917, Press served for a short time in the People's Commissariat of Education, including as head of the Public Library. In 1923, he and his family emigrated to Lithuania (and his surname was given the vocalization Presas), and in 1925 he moved to Finland, where he lived the rest of his life. Press described his post-revolutionary ordeals in Petrograd in the "novel" *The Border* (1931–1942), which is conditionally autobiographical in nature, like a number of his previous works. The appendix to the article contains fragments from this unpublished work by the writer.

Keywords: Arkady Press, biography of the writer, archival materials, the 1917 revolution, émigré literature.

Information about the author: Natalia A. Iakovleva, PhD, St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-1699-8102>

E-mail: niakovleva@hotmail.com

For citation: Iakovleva, N.A. "From a Collegiate Secretary to a Soviet Emigrant: The Fate of the Writer Arkady Press and His Novel *The Border*." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 8–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-8-50>

References

1. Agafonova, V. "Litovskoe semiletie Arkadiia Bukhova" ["Lithuanian Seven Years of Arkady Bukhov"]. *Vil'nius*, no. 11 (130), 1993, pp. 174–178. (In Russ.)
2. Bazanov, P.N. *Ocherki istorii russkoi emigratsii na Karel'skom peresheike (1917–1939 gg.)* [Essays on the History of Russian Emigration on the Karelian Isthmus (1917–1939)]. St. Petersburg, Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo Publ., 2015. 183 p. (In Russ.)
3. Balashov, E. *Teritiokskie plenniki, 1939–1940* [Terijoki Prisoners, 1939–1940]. 2nd ed. St. Petersburg, Giol', Publ., 2021. 196 p. (In Russ.)
4. Bravo, A., and E. Travina. *Zelenogorsk. Teritoki: dachnaia zhizn' sto let nazad* [Zelenogorsk. Terijoki: Dacha Life a Hundred Years Ago]. St. Petersburg, Tsentr sokhraneniia kul'turnogo nasledii Publ., 2022. 320 p. (In Russ.)
5. Vrangel', N.E. *Vospominaniia: Ot krepostnogo prava do bol'shevikov* [Memories: From Serfdom to the Bolsheviks], introd. article, comm. and text prep. by A. Zeide. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 506 p. (In Russ.)
6. Demidova, O.R. "Iz Rossii v Finliandiiu: Granitsa kak ekzistentsial'naia katastrofa" ["From Russia to Finland: The Border as an Existential Catastrophe"]. *Rossiiskoe zarubezh'e v Finliandii: Mezhdv dvumia mirovymi voynami: sbornik nauchnykh trudov* [Russian Abroad in Finland: Between the Two World Wars: Collection of Scientific Papers]. St. Petersburg, Sudarynia Publ., 2004, pp. 3–7. (In Russ.)
7. Egorov, I.V. *Ot monarkhii k Oktjabriu* [From the Monarchy to October]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1980. 272 p. (In Russ.)
8. Nevalainen, P. *Iskhod: Finskaia emigratsiia iz Rossii 1917–1939* [Exodus: Finnish Emigration from Russia 1917–1939], authorized translation from Finnish by Maiu Leppia. St. Petersburg, Kolo Publ., 2005. 448 p. (In Russ.)
9. Press, A.G. *Struzhki* [Chip]. St. Petersburg, A.F. Marx Publ., 1908. 248 p. (In Russ.)
10. Rupasov, A., and A. Chistikov. *Sovetsko-finliandskaia granitsa* [Soviet-Finnish Border]. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 2007. 222 p. (In Russ.)

11. Travina, E. *Komarovo / Kellomäki. Morskaia storona. Kniga-putevoditel'. (Dachnaia zhizn' sto let nazad)* [*Komarovo / Kellomäki. Sea side. Guidebook. (Dacha Life a Hundred Years Ago)*]. St. Petersburg, Tsentr sokhraneniia kul'turnogo naslediia Publ., 2022. 256 p. (In Russ.)

12. Iakovleva, N.A. “Finskaia dacha v tvorchestve i biografii A.G. Pressa” [“Finnish Dacha in the Works and Biography of A.G. Press”]. *Opyt i nebyvaloe v literature i kul'ture* [*Experience and Non-Existence in Literature and Culture*]. Tartu, University of Tartu Press, 2022, pp. 144–156. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 24.12.2024
Одобрена после рецензирования: 20.01.2025
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 24.12.2024
Approved after reviewing: 20.01.2025
Date of publication: 25.03.2025